

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

АНДРЕА ЖАППИ

Палац

ДА ПРОЛЪЕТСЯ
КРОВЬ

Annotation

Он тот, кого называют Мастером Высокого Правосудия; тот, кто отнимает жизнь и дарует смерть. Он – палач. Будучи исполнителем чужой воли, Ардуин Венель-младший никогда не задумывался о том, виновны или невиновны те, кто восходит к нему на эшафот. Пока не осознал, что временами судьи ошибаются и восстановить справедливость под силу лишь ему...

Франция, конец 1305 года. К Ардуину обратился с просьбой о помощи местный балъи – королевский чиновник, управляющий областью. Недавно убили его любимую дочь Анриетту, послушницу в монастыре Клерет. Теперь он пылает жаждой мести, желанием непременно найти и покарать злодея. Палач и балъи начали расследование и попали на след убийцы – на первый взгляд обычного ночного грабителя. Однако некоторые детали этого дела насторожили Ардуина. По-видимому, убитая девушка обладала какими-то темными секретами – и рассталась с жизнью именно из-за них...

Андреа Жапп

Палач. Да прольется кровь

Никто не знает, сколько времени может длиться секунда страдания.

Грэм Грин

Именно практика страдания позволяет мне безошибочно отличать человека от животного.

Пьер Деспрож

© З. Линник, перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство Э», 2017

Моим читателям

Мои дорогие читатели и читательницы!

Некоторым из вас не доставляет удовольствия читать мои заметки внизу страницы. Пусть извинением этому послужит моя страсть к словам и этимологии, а также к многочисленным подробностям средневековой жизни, которые преподносят нам множество пикантных и волнующих деталей. Я и сама постоянно открываю для себя множество поистине чарующих деталей, и меня переполняет желание поделиться ими с вами.

Список основных действующих лиц

В Мортань-о-Перш

Ардуин Венель-младший – именуемый мэтр Правосудие Мортаня, палач

Бернадина – его служанка, вдова палача

Арно де Тизан – помощник бальи^[1] Мортаня

Аделин д'Эстревер – старший бальи Перша

Клотильда – юная нищенка, ставшая служанкой в доме Венеля-младшего

В Ножан-ле-Ротру и окрестностях

Антуан Мешо – городской врач

Бланш – его невестка, вдова

Матушка Крольчиха – трактирщица из «Напыщенного кролика»

Ги де Тре – бальи Ножан-ле-Ротру

Энора – его супруга

Сильвин – нищенка

Беатрис де Вигонрен – баронесса-мать

Маот де Вигонрен – урожденная Ле де Жеранвиль, ее невестка, баронесса

Агнес де Маленье – дочь Беатрис

Усташ де Маленье – муж Агнес

Мартина – старая служанка Беатрис де Вигонрен

В аббатстве Клерет

Констанс де Госбер – матушка-аббатиса, тетя Маот де Вигонрен и Мари де Сальвен

Бландин Крезо – ее секретарша

Исторические лица

Филипп Красивый, Климент V, Гийом де Ногарэ, Катрин де Куртене, Изабелла де Валуа, Артур II Бретонский, будущий Жан III Бретонский

Окрестности Мортань-о-Перш^[2], ноябрь 1305 года

Аделин д'Эстревер, старший бальи шпаги^[3], пребывал в отвратительном настроении. Кругом одни недоумки, которые ничего не понимают в делах... Нет, еще хуже! Полнейшие идиоты, вообразившие, будто такой знатный и могущественный человек, как он, станет заниматься всякими ничтожными гнусными историями, касающимися каких-то нищих и их детей. Они умирают? Да и прекрасно^[4]. Если б Арно де Тизан, помощник бальи Мортаня, и его исполнитель высоких деяний, мэтр Высокое Правосудие этого города, не разоблачили того, кто мучил и убивал уличных детей Ножан-ле-Ротру, ему не пришлось бы сейчас забираться в седло своего гнедого жеребца и тащиться невесть куда!

И вдобавок ко всему этот грубиян палач, настоящее имя которого ему незнакомо, ни капли не понимает, что к этому делу следует отнестись со всей возможной деликатностью. Но Тизан-то должен был понять, что это заговор политического масштаба и что судьба маленьких уличных босяков ровным счетом никого не интересует^[5]. Что же касается всего остального, Господи Боже, все выглядело настолько жалким, помимо мозгов, которые, вместо того чтобы служить ему так же хорошо, как всегда, с некоторых пор стали отравлять ему существование. Впрочем, в этом можно усмотреть перст судьбы. Этот тупица герцог Жан II Бретонский имел глупость помереть в Лионе несколькими днями раньше^[6]. Он погиб под обломками рухнувшей стены, когда вел мула Папы Климента V, который только что прошел церемонию посвящения в сан в бывшей столице Галлии. При таком несчастном стечении обстоятельств господину д'Эстреверу, монсеньору Карлу де Валуа, единственному родному брату Филиппа Красивого, следовало бы проявить еще немного терпения. Старший бальи шпаги поднес бы ему на золотом блюде весть о смерти убийцы ножанских детишек Мориса Деспера, первого лейтенанта городского бальи Ги де Тре. Высокомерного, но простоватого де Тре обвинили бы в сообщничестве или по крайней мере в преступном попустительстве и халатности в отношении своих обязанностей. Ножан-ле-Ротру – богатые владения, при мысли о которых Карл де Валуа уже столько лет захлебывался слюной от алчности, наконец оказались бы под его задницей и партия была бы сыграна! Разумеется, д'Эстревер был бы щедро вознагражден – и почестями, и прочими благами. Чума на этих недоумков! А вместо этого оказалось, что дюжина уличных детей была убита совершенно зря...

Нельзя сказать, чтобы их ужасный конец волновал д'Эстревера. Эти маленькие оборванцы все равно прожили бы очень недолго. Их настигла бы смерть от голода, болезни или несчастного случая. Д'Эстревер не чувствовал никакой вины за то, что платил Морису Десперу за то, чтобы тот как можно быстрее отправил, без сомнения, в лучший мир этих голодранцев, а затем изуродовал их тела. Да, эти маленькие бродяги только оскверняли улицы своей грязью и грубостью. Омерзительный сброд, вот они кто!

Аделин д'Эстревер был настолько поглощен своими переживаниями, что не заметил, как внезапно заволновалась его лошадь. Гнедой жеребец принялся трясти гривой, дышать как-то особенно резко и отрывисто и напряженно прислушиваться к чему-то происходящему позади. Вместо этого д'Эстревер, заметив, что жеребец замедлил свой бег, резко ударил его

каблуками, побуждая ускориться.

После поворота лошадь выскочила на дорогу, из конца в конец пересекающую лес Малетабль. В десяти туазах перед ним, загораживая дорогу, стоял жеребец цвета непроглядного мрака и очень высокий в холке. Гнедой жеребец заржал, выгибая шею. Д'Эстревер наконец понял, кого испугалась его лошадь.

* * *

Ардуин Венель-младший погладил Фрингана, ласково прошептал ему в ухо:

– Спокойно, друг. Мы просто немного постоим здесь.

Аделин д'Эстревер, еще сильнее разозлившись из-за появления всадника, резко натянул поводья, из-за чего гнедой жеребец только сильнее разволновался. Сперва он попытался удрать, затем перешел на рысь и, наконец, резко остановился, не зная, как вести себя рядом с этим странным зверем, неподвижно стоящим поперек дороги.

Фринган повернул голову навстречу гнедому жеребцу. Ноги всадника дружески, но в то же время твердо чуть сжали ему бока, рука в перчатке ласково погладила по плечу. Ардуин не испытывал никакого беспокойства, и его конь прекрасно это понимал.

Несмотря на неровный и неуверенный бег своего гнедого, Аделин д'Эстревер приблизился к незнакомцу и закричал:

– Эй, ты! Сию же минуту убирайся с дороги!

Не устаивая ответом, Ардуин бросил на него взгляд, ясно говоривший, что все происходящее чрезвычайно развлекает его.

На какое-то мгновение старшему бальи шпаги показалось, что он уже где-то видел эти светло-серые глаза, взгляд которых способен сбить с толку. Но все же ему был незнаком этот худой мускулистый мужчина высокого роста. Д'Эстревер обратил внимание на волнистые, очень темные волосы до плеч. Но в этот момент новая волна гнева помешала ему копаться в более ранних воспоминаниях, тем более что лошадь начинала беспокоиться все сильнее и с минуты на минуту грозила закусить удила.

– Освободи мне дорогу, говорят тебе! Я приказываю! Или ты не знаешь, кто я?

– Напротив, очень хорошо знаю. Аделин д'Эстревер, не так ли?

Немного удивленный бальи шпаги надменно произнес:

– Конечно. Сеньор старший бальи шпаги! Теперь ты понимаешь, что меня лучше не сердить, – раздраженно бросил д'Эстревер.

Ардуин снова наклонился к уху Фрингана и прошептал:

– Не двигайся, мой хороший. Не давай своему собрату проехать.

Одним движением, в котором чувствовались сила и гибкость хищного зверя, он спешил и с широкой улыбкой подошел ко второму всаднику. Гнедой жеребец в нерешительности мотал гривой, пыхтел и бил копытами.

Ардуин схватил его за повод и, сухо хлопнув по груди ладонью свободной руки, повелительно бросил:

– Защищайтесь!

Благородное животное услышало боевой крик, в котором ясно различило страсть сражения, ярость и жажду крови. С безумным ржанием лошадь поднялась на дыбы. Издав громкое проклятие, Аделин д'Эстревер свалился на землю.

Ардуин коротко свистнул, давая Фрингану сигнал освободить дорогу. Прекрасный черный жеребец поскакал к поросшему травой склону. Гнедой помчался за ним.

Ардуин приблизился к старшему бальи шпаги, который, буквально захлебываясь от ярости и унижения, безуспешно пытался встать на ноги, запутавшись в своей длинной накидке, подбитой собольим мехом^[7]. Сейчас он напоминал толстого жука-навозника, перевернутого на спину и неловко шевелящего ногами.

– Ты сейчас мне за это заплатишь, и в сто раз дороже! – зарычал д’Эстревер, красный от унижения.

– Сомневаюсь, – тихо и внушительно произнес исполнитель высоких деяний. – Это ты сейчас вытрешь свою грифельную доску^[8], гнусный подлец. Вставай и защищайся!

Эстревер непонимающе посмотрел на него. Наконец он выпрямился и непроизвольным жестом отряхнул серую дорожную пыль со своих шоссов^[9].

– Да кто ты такой, в конце концов? Что ты хочешь?

– Твою жизнь, что, по правде говоря, не так уж и много. Ты только зря небо коптишь. Защищайся, – повторил Ардуин, вытаскивая шпагу из ножен. – Аделин д’Эстревер, я обвиняю тебя в том, что ты обрек на муки и жестокую смерть множество детей. Я приговариваю тебя к смерти. Я, мэтр Правосудие Мортаня, берусь лишить тебя жизни. Я не прошу за это прощения перед Господом, так как ты не мой брат во Христе. Ты предал Божественного Агнца поруганию, отправив к Его Отцу тринадцать невинных созданий, которые еще не должны были предстать перед Ним.

Старший бальи шпаги сразу же вспомнил этот взгляд серых глаз. Он также вспомнил и о безукоризненной репутации этого палача, сльвущего истинным мастером в искусстве страданий и смерти. Вся его наглость тут же бесследно исчезла.

– Речь шла о высокой политике, как ты не понимаешь! – попытался он убедить страшного собеседника, с трудом проглатывая слюну.

– Это так в твоем мире называют подлые убийства? – иронично заметил Ардуин. – Черт побери! Я всего лишь простой палач, и я слишком глуп, чтобы понять все ухищрения власть имущих. А теперь защищайся ты, плут^[10], ничтожество. Учти, твоя смерть не будет легкой.

– Я очень богат, – в смертельном ужасе пролепетал старший бальи шпаги.

– А я еще богаче... Ну, защищайся, говорят тебе! Или ты еще больший трус, чем я предполагал? Мое терпение уже начинает истощаться. Ты приговорен к смерти, и я убью тебя независимо от того, отказываешься ты драться или нет.

Неуверенным движением Аделин д’Эстревер вытащил шпагу и отбросил свой плащ, тяжело скользнувший на землю. Несмотря на то что это зимнее утро выдалось холодным, он был весь покрыт потом. Внезапно бальи бросился вперед, размахивая шпагой. Ардуин ловко отпрыгнул в сторону и повернулся. Острие его шпаги устремилось к противнику. Оглушительно взвывая, бальи схватился за лицо и принялся его ощупывать. Его лицо было теперь по диагонали перечеркнуто длинной царапиной от виска до нижней челюсти. В полном замешательстве он смотрел, как вниз стекает кровь, окрашивая тончайший шафрановый шелк его камзола.

– На щеках обычно очень нежная кожа, – бесстрастно заметил Ардуин, снова нанося удар.

Лезвие проткнуло насквозь левое колено д’Эстревера, точно под коленной чашечкой, исторгнув из груди раненого крик боли. Прихрамывая, бальи отступил, опуская шпагу.

– Больно, не правда ли? – весело поинтересовался Ардуин.

– Сжальтесь, мессир! Я взываю к вашему милосердию!

– И чьим же, интересно, именем? – притворно удивился палач. – Бога, над которым ты надругался? Ты просто жалкий ничтожный шут!

В два прыжка Ардуин снова оказался рядом с ним, и острие его шпаги прочертило кровавую линию сверху вниз на шее бальи, тщательно избегая артерий.

Аделин д'Эстревер выпустил из рук шпагу и, рыдая, осел на землю. По его бедрам обильно текла кровь.

– Сжальтесь... сжальтесь... ради любви...

– Замолчи! – повелительно прервал его Ардуин. – У тебя больше нет права произносить это святое имя и еще меньше права взывать к его любви. Презренный ничтожный трус!

– Я раскаиваюсь, рас... каиваюсь, клянусь вам, – прерывистым умоляющим голосом произнес старший бальи, молитвенно сложив руки.

– Твои клятвы достойны только насмешки! А знаешь, в чем сейчас главное отличие между нами? Ты делаешь то, что можешь, а я делаю то, что должен.

Ардуин вложил шпагу в ножны и вынул длинный острый кинжал. Он зашел за спину д'Эстреверу и резким грубым движением задрал его голову к небу. Мэтр Высокое Правосудие тут же ощутил в воздухе легкое неуловимое движение, будто рядом с ним парил в воздухе кто-то невидимый, неразличимый простым глазом. Старший бальи шпаги жалобно застонал:

– Нет... нет...

– Тсс, еще несколько минут. Подумай об убитых детях. Подумай о них!

Кровь хлынула из четкого прямого разреза, который пересек горло бальи. Ардуин поднял голову к небу, закрыв глаза и обращаясь с безмолвной молитвой к душам маленьких мучеников.

Справедливость наконец восторжествовала. Теперь они могут покоиться в мире.

* * *

Ардуин Венель-младший отпустил лоб мертвеца, когда ощутил, что тело того отяжелело и стало заваливаться вперед.

Он перевернул бездыханное тело, стащил с него сапоги и кольца, разрезал шнурки висевшего на поясе кошелья и подобрал валяющиеся неподалеку шпагу и плащ, подбитый собольим мехом. Все это он бросил на дорогу на счастье тем, кто возьмет себе такую неожиданную богатую добычу.

Тихий нежный свист. Фринган рысью устремился навстречу своему хозяину.

Венель-младший спешил убраться отсюда, покинуть этот лес, поскорее забыть этот окровавленный труп, вид которого волновал его меньше всего на свете. Негодяй, обвинить которого ни у кого не было ни силы, ни желания, заплатил сполна. Во всяком случае, Ардуин думал только об одном – о невероятном чудесном возвращении Мари де Сальвен.

Мари де Сальвен – невинный агнец, которого он сам толкнул к костру правосудия. Та, что заняла место в его сердце и душе, незримо появляясь рядом с ним днями и ночами. Мари де Сальвен, которую он снова увидел живой, тащили за собой двое вооруженных всадников, людей бальи Ножан-ле-Ротру. Мари, связанная, обвиненная неизвестно в чем...

– Молодая баронесса де Вигонрен, бесчестная отравительница, которая едва не довела

до смерти своего сына, – сказала ему тогда трактирщица в «Напыщенном кролике», где Ардуин остановился во время своего пребывания в Ножан-ле-Ротру.

Конечно же, та, чье новое появление в его жизни было таким ошеломительным и потрясающим, никакая не баронесса и никакая не де Вигонрен. Это Мари де Сальвен, вызванная из-за порога смерти любовью и неустанными молитвами Ардуина. Он только что снова обрел Мари – ту, которую отпустила даже смерть. Теперь он больше никогда не даст ей уйти.

В его памяти всплыло пророчество нищенки со светло-голубыми глазами, ледяной взгляд которых тогда взволновал его. После он много раз встречал ее в городе, как будто странная женщина следовала за ним по пятам...

«Ты веришь, и ты обманываешься. Ты не ищешь, но найдешь то, чего не искал».

Он должен снова повидать эту старуху и вытащить из нее остальные сведения. Пусть она сообщит ему все, что знает. Он должен узнать, что послужило причиной такого жестокого ареста Мари.

На этой мысли Ардуин резко прервал сам себя. Он что, с ума сошел? Мари де Сальвен мертва; он сам сжег ее заживо. Довольно с него этих страшных сказок на ночь и нелепых басен! И что ему делать с этой старой лживой бездельницей в лохмотьях? Все ее загадки служат одной-единственной цели: вытянуть побольше денег у простаков вроде него, которые имеют глупость обращать на нее внимание!

Но кто же эта женщина, та Мари де Сальвен, которая не могла быть Мари? Что это было: горячее видение, что-то сверхъестественное или наказание? Или, может быть, миссия? Миссия, порученная ему из другого мира той, настоящей Мари де Сальвен?

* * *

Гнедой жеребец мессира д'Эстревера галопом ворвался на главную улицу Малетабля. Его бока были сплошь покрыты хлопьями пены, а взгляд был настолько дикий, будто жеребец только что видел всех демонов ада, пытающихся схватить его за копыта. Чтобы остановить и успокоить его, едва хватило совместных усилий троих взрослых мужчин.

Несмотря на то что жители деревни не проявляли особого рвения, не желая вмешиваться в дело, которое касалось старшего бальи шпаги, не пользующегося у них особой любовью, были устроены поиски в лесу и близлежащих полях. Старый деревенский священник решил, что мессир д'Эстревер, должно быть, упал со своего коня и теперь ранен. Несмотря на то что к нему никто не чувствовал симпатии, жители деревни рассудили, что, не придя на помощь, они рискуют навлечь на себя гнев весьма могущественного лица.

Останки Аделина д'Эстревера, которого кто-то сильно избил, а после этого зарезал, были найдены посреди лесной дороги, в четверти лье от деревни. Обувь и все ценное исчезло. Все быстро пришли к заключению, что мессир бальи имел несчастье повстречать шайку грабителей.

Со вздохом облегчения все тут же разошлись по домам, исключая разве что священника, который прочел несколько молитв, расстроено приговаривая:

– Ах, какое несчастье! Он, конечно, был не особенно любезным господином, мир его душе, но встретить такую смерть...

Лес де Масл^[11], ноябрь 1305 года

Избегая больших дорог, прячась в густом лесу, где деревья и многочисленные пни образовывали нечто вроде завесы, надежно скрывающей беглецов, две лошади медленно продвигались вперед. Красивый мерин^[12] из Перша серой масти в яблоках, обладающий мирным характером, как и все подобные ему, старался приноравливать свой шаг с шагом кобылы, приученной идти иноходью. Ноги ее были спутаны так, чтобы замедлить шаги и не давать ей подпрыгивать, дабы не беспокоить всадницу. Новые седла, предназначенные специально для дам^[13], оснащенные единственным – левым – стремянем, представляли собой удобные кресла, водруженные на круп лошади. Управлять лошадьё в таком седле всадница могла лишь с помощью пешего слуги.

Их окружали ночные шумы леса, которые сливались в монотонную мелодию, в которой опытное ухо могло бы уловить звуки, говорящие о приближении семьи волков и одинокого медведя, а также шум, с которым убежали те, кто не желал стать их добычей и чье спасение зависело лишь от проворства и быстроты ног. Но в тот вечер в лесу царил мир и покой. Лесные создания прятались от людских глаз, едва ощутив слабый запах приближающейся процессии.

Близилась ночь, заволакивая завесой темноты смутные силуэты путешественников. Вскоре вышла луна, которая, подобно церковному служке, освещала им ближайшие несколько шагов пути. Кобыла, обремененная тяжелой ношей и покрытая грязной попоной, на ходу бьющей ей по ногам и по животу, часто останавливалась и лишь после того, как натягивали поводья, с явной неохотой снова трогалась с места.

Наконец после долгих часов пути всадники достигли цели своего путешествия. Навстречу им из темноты появился смутный силуэт всадника. На крупном жеребце сидел человек, закутанный в монашеский плащ с низко надвинутым на лоб широким капюшоном. Всадник, которого никто сейчас не разглядел бы даже с десяти шагов, приблизился к кобыле и бесцеремонно стащил с нее груз, который упал с глухим звуком, эхом отозвавшимся в лесной тишине. Затем, еле слышно вздохнув, человек поправил на лошади попону.

Кобыла, удивленная странным звуком, с которым предмет упал с ее крупа, отбежала на несколько туазов и остановилась. Подъехавший всадник принялся разглядывать предмет. Затем спешился и рухнул на колени со вздохом невыразимого облегчения, больше похожим на хрип.

Несколько мгновений он разглядывал мертвое тело. К его величайшему удовлетворению, женщина с посиневшим лицом действительно отдала Богу душу.

Со времени своего ночного возвращения из Ножан-ле-Ротру Ардуин Венель-младший не мог успокоиться и был словно лев в клетке. Ничто не могло его развлечь. Ни мысли о том, что правосудие в отношении Адалина д'Эстревера наконец свершилось, ни радость пса Энея, для которого возвращение любимого хозяина, когда-то отобравшего его у грубого и жестокого кузнеца, стало настоящим праздником. Его не утешил даже более сдержанный, но такой же сердечный прием Бернадины – еще молодой женщины, вдовы палача. Бернадина не смогла бы найти работу в каком-нибудь другом месте, разве что скрыв, каким ремеслом занимался ее супруг, который, как она говорила, умер оттого, что «те, кто скребется в адские двери, постепенно забрали его жизнь». Однако эта достойная женщина не скрывала правды о своем покойном супруге по той уважительной причине, что «он был хорошим человеком, набожным, честным и работящим. Разве он виноват в том, что был вынужден унаследовать ту должность, которую занимали его отец и дед!».

Их ненавидели и презирали. Все без исключения испытывали страх перед ними – теми, чье ремесло состояло в том, чтобы по приказу суда убивать и подвергать пыткам. Их детей нигде не принимали, они не имели права ни останавливаться в тавернах, ни жить в городе, за исключением того места, где находился эшафот. Они были обязаны носить на одежде знак своей профессии – кусочек ткани в форме палки, чтобы все могли их узнать и отшатнуться подальше^[14]. И в то же время их обхаживали, зачастую удваивая количество товара, который они, согласно старинному правилу, могли бесплатно взять из любой лавки^[15]. Им увеличивали вознаграждение в зависимости от того, каким пыткам они подвергали свою жертву^[16]. Церковь смотрела сквозь пальцы на отступления от правил в области брака, строжайше запрещенные всем остальным, прекрасно понимая, что жениться они могут только в своей среде и никакая девушка, даже из самого низшего сословия, не согласится стать женой палача. Ведь тогда на ее детей и всех их потомков ляжет то же самое позорное клеймо и они станут такими же изгоями общества. Каждый бальи или прево жил в постоянном беспокойстве, как бы исполнитель правосудия не оставил своего места, и предоставлял ценному работнику множество небольших привилегий. Тем более что, по правде говоря, желающих на эту должность, как правило, не находилось.

Так как у судей и знатных сеньоров сама мысль о том, чтобы исполнить вынесенный ими приговор, вызывала тошноту, печальная обязанность мучить и убивать по решению суда накладывалась на простых людей – например, на того, кто в городе позже всех женился. Это была единственная непочетная должность королевства – исполнитель высоких деяний, или мэтр Высокое Правосудие. Так стали называть людей, исполняющих эту работу, чтобы не употреблять оскорбительных названий^[17], ранивших их самолюбие: палач, Сломай-Шею, Жан-Покойник или Жан-Переломай-Кости. Помимо этого, палач не имел права представать перед знатными персонами и даже перед королем, что служило еще одним доказательством нечеловеческих условий, в которых существовали люди этой профессии. Хлеб для него выпекался отдельно, и этот каравай булочник клал кверху дном, чтобы никто другой не взял его по ошибке. Хлеб крови и смерти. Это странно, но Венеля-младшего это совершенно не смущало, как до этого – его отца.

Их династия палачей, так же как и другие, подобные им, началась с прадеда Ардуина – отпетого преступника, грабителя и убийцы. После того как его арестовали и приговорили к

повешению, ему предложили спасти себе жизнь, поступив на эту должность. И, конечно, он не упустил сей счастливый случай. Семья Венель, где Ардуин оставался единственным наследником по прямой линии, больше не считалась «бинграми»^[18], так как их династии было уже больше века.

Ардуину едва исполнилось четырнадцать лет^[19], когда он впервые опустил меч на шею дворянчика, удавившего свою жену и новорожденную дочь, несомненно в припадке безумия, так как он потом не мог объяснить причину своего поступка. Это стало одним из редких воспоминаний о казни, так как потом благодаря урокам отца он научился выкидывать их из своей памяти. Созданиям Божьим свойственно совершать ошибки, зачастую довольно серьезные. И кто-то должен избавить добрых христиан от необходимости совершать грех убийства и пачкать руки в крови. Палачи не выносили приговоров, не решали, какой пытке или казни следует подвергнуть преступника. Они довольствовались ролью инструмента, который держит рука правосудия.

Впрочем, Венель-младший никогда не думал о том, что когда-нибудь займет место своего отца. Не думал до дня кончины своего старшего брата. Его ремеслом стала смерть. Палачи выполняли и другую работу: разделявали туши, душили бродячих собак, вылавливали новорожденных, выброшенных в реки или канавы с нечистотами, хоронили отлученных от церкви; они были также хирургами или костоправами^[20], а также считалось, что они могут вылечить ревматизм. Ардуин помнил, как его отец продавал так называемую «мазь палача» из человеческого жира, считавшуюся универсальным средством от любой боли. Другими словами, у них было множество профессий, связанных со страданиями, агонией, смертью, кровью и падалью.

К счастью, неожиданная встреча избавила Ардуина от необходимости заниматься подобной торговлей, впрочем, не такой уж и выгодной. Это был один старый и очень богатый галантерейщик^[21], вдовец, после которого не осталось наследников, щедро вознаградивший его за один вечер работы. Ардуин удалил громадную опухоль, выросшую на шее галантерейщика, тем самым подарив старику еще несколько прекрасных лет жизни. Они не стали друзьями: никто не захотел бы открыто демонстрировать подобные отношения с палачом. Но с того дня они иногда виделись и распивали кувшин-другой вина. Четыре года спустя Венель-младший, к своему огромному удивлению, узнал, что странный и вздорный старик завещал ему громадное состояние.

Ардуин унаследовал также роскошный большой дом галантерейщика, расположенный в маленьком городке Мортане. Он разумно распорядился деньгами, приобретя лавку мясника, которой управляли нанятые им люди, долю в нескольких мельницах, железном руднике. Также он открыл несколько конюшен, где можно было взять напрокат лошадей и упряжь, причем те находились у двух главных дорог графства, по одной из которых можно было направиться в Шартр и далее в Париж, по другой – к морю.

Молодой палач мог бы оставить свое зловещее ремесло, уехать туда, где его никто не знает, и начать новую жизнь. Но, странное дело, этого ему совсем не хотелось. Он уже принял унаследованное им невольное бесчестье и одиночество отверженного; также его опьяняло своеобразное ощущение абсолютной свободы. В самом деле, палачи были связаны множеством правил и обычаев, но Ардуин отказался им подчиняться, и даже помощник бальи Мортаня мессир Арно де Тизан был вынужден с величайшей неохотой принять такой порядок вещей, чтобы не потерять мэтра Высокое Правосудие.

К этому стоит добавить, что во всем, что с ним произошло, Ардуин усматривал перст судьбы. Судьбы, которая открывает одни двери, закрывая другие. Он двигался вперед, никогда не спрашивая себя, почему ему выпала именно такая участь. В глазах Венеля-младшего такая жизнь обретала некую значительность, хоть и довольно жалкую. Впрочем, теперь для него это уже не имело значения. Ардуин не задумывался об этом, как бы созерцая свою жизнь со стороны. При этом нельзя сказать, чтобы все это его особенно печалило.

* * *

Не печалило до того дня, когда в его жизни появилась Мари. Мари де Сальвен, воспоминаниями о которой он так дорожил. Эти воспоминания намного пережили саму Мари.

Мари де Сальвен – за три месяца до смерти ей едва исполнилось двадцать пять лет – прекраснейшее создание с роскошными волосами цвета спелой пшеницы, с белой, почти прозрачной кожей, манеры которой свидетельствовали о высоком происхождении. Она поклялась перед Господом, что некий Жак де Фоссей, мелкий дворянчик, в отсутствие мужа, Шарля де Сальвена, с которым вместе охотился, попросил приютить его в доме на ночь. Молодая женщина утверждала, что Жак де Фоссей среди ночи ворвался в ее комнату и совершил гнусное насилие^[22], избив ее и требуя совершить неслыханный разврат. Фоссей – мужчина сублильного сложения около тридцати лет – настаивал на своей невинности и даже утверждал, что Мари де Сальвен недвусмысленно дала ему понять, что она в восторге от его мужественности и не против провести с ним ночь.

Судебное разбирательство завершилось поединком чести^[23], несмотря на то что Арно де Тизан не считал это лучшим решением, так как Жак де Фоссей был известным дуэлянтом, а Шарль де Сальвен был намного старше его и не так ловок в обращении со шпагой.

Дуэль продолжалась всего несколько мгновений. Сальвен с трудом уклонялся от хитрых выпадов де Фоссея. Шпага бретера и записного дуэлянта устремила к горлу мужа Мари де Сальвен, к тому времени еле держащегося на ногах от усталости, и легко проткнула его. Рана оказалась смертельной. Божий суд свершился: Мари де Сальвен была признана лгуньей, которая пыталась нанести ущерб репутации де Фоссея и послужила причиной смерти своего легковверного супруга. Она отказалась раскаться и принести публичные извинения, что означало бы для нее более легкий способ и более почетный способ лишиться жизни. Дворянам даровалась привилегия быть обезглавленными. Мэтр Правосудие Мортаня был известен своим мастерством в обращении с мечом^[24], который носил имя Энекатрикс, что в переводе с латинского означало «приносящий смерть». Его вызывали даже в соседние королевства к приговоренным благородного происхождения, обладающим правом на быструю и легкую смерть. Но Мари де Сальвен должна была сгореть на костре правосудия.

Впоследствии Ардуин видел ее во сне каждую ночь такой, какой она предстала перед ним в тот день: с босыми ногами, одетая в грубое льняное платье, ткань которого была специально вымочена в сере, чтобы огонь быстрее охватил его, с коротко обрезанными волосами. Он помог ей взобраться на кучу хвороста и привязал к столбу.

Ардуин снова и снова видел ее очаровательное лицо, чуть удлиненные глаза цвета морской волны, высокий лоб, волосы над которым когда-то были выщипаны^[25]. Эта

женщина навсегда поселилась в мыслях Ардуина Венеля-младшего.

Когда он предложил ей повязку на глаза – знак последней любезности мессира Арно де Тизана, который хотел избавить даму от ужасающего зрелища красных языков племени, – Мари произнесла ровным презрительным тоном:

– Я предпочитаю видеть вас до последней секунды. Вас, священника и толпу. Вы станете лицом бесчестия, того, что я унесу с собой в могилу.

Ардуин ненавидел себя за то, что тогда даже на мгновение не допустил мысли, что она и вправду невиновна. Впрочем, он тогда даже не подумал подвергнуть сомнению результат поединка чести, Божьего суда. Тем не менее эта женщина отказалась с помощью лжи избежать мучительной смерти в пламени. Она стояла перед толпой, которая собралась на площади Мортаня, чтобы развлечься зрелищем казни. Эта женщина не поддавалась страху и держалась прямо с высоко поднятой головой, когда языки пламени начали лизать подол ее платья. Она отказалась купить себе сравнительно легкую смерть ценой ложного признания и, пока дым от костра не задушил ее, продолжала кричать о своей невиновности.

Сразу после казни Ардуин уехал из Мортаня, и тогда призрак Мари де Сальвен начал являться ему в мыслях и сновидениях. Это было одновременно прекрасно, ужасно и несказанно восхитительно. Некоторое время спустя палач случайно встретил в таверне Жака де Фоссея, который, выпив лишнего, хвастался насилием, совершенным над Марией, и утверждал что, несмотря на все ее попытки сопротивляться, она получила удовольствие от того, что он взял ее грубо, как последнюю шлюху.

Услышав это, мэтр Высокое Правосудие ощутил сильнейшую ярость. Его обманули, использовали с неблагоприятной целью. Его долг возвращать заблудших детей Божьих к их создателю, но лишь Отец Небесный вправе решать, кого и когда ему призвать к себе. В обмен на жизнь Жака де Фоссея и публично восстановленную честь Мари де Сальвен, которая была похоронена в освященной земле, Ардуин согласился помочь в двух расследованиях Арно де Тизану, который оказался в затруднительном положении, буквально разрываясь между чувством справедливости и почтением перед властью имущими. Одно из расследований касалось некой Эванжелины Какет, слабоумной служанки, которую заживо похоронили, признав виновной в убийстве своей хозяйки. Также требовалось найти того, кто жестоко убивал уличных детей в Ножан-ле-Ротру. В качестве вознаграждения за помощь Ардуин попросил предоставить ему сведения о некоторых судебных процессах. Мессир де Тизан пытался было воспротивиться, но после личного разговора с Ардуином понял, что возражать бесполезно. Тот был достаточно богат, чтобы ни от кого не зависеть, и в конце концов помощник бальи с неохотой уступил его требованиям.

Чтобы угодить своему сюзеру Карлу де Валуа, Аделин д'Эстревер вовлек Арно де Тизана в это чудовищное дело с убийством детей, заставив его поверить, будто тот преследует чудовищного злодея. В то же время старший бальи шпаги не только знал, кто совершает эти бесчеловечные убийства, но и платил за то, чтобы они совершались. Целью этой хитроумной комбинации было уничтожить бальи Ножан-ле-Ротру и его господина Жана II Бретонского, одной из вотчин которого и был Ножан. Но после внезапной смерти герцога Бретонского эта омерзительная махинация потерпела неудачу.

Чего не сделал бы Карл де Валуа, который без счета тратил свои и чужие деньги, запуская руки в государственную сокровищницу, чтобы заполучить Ножан – громадную и такую богатую территорию посреди земель графства Перш! Между тем – и если верить тому, что дал понять Арно де Тизану Гийом де Ногарэ, королевский советник, к мнению которого

Филипп Красивый прислушивался, – Валуа ничего не было известно о неблагоприятных действиях старшего бальи шпаги. Так или иначе, Арно де Тизан начал снабжать Ардуина сведениями, которые были ему нужны. Вскоре для него перестало быть тайной, с какой целью совершаются эти бесчеловечные убийства уличных детей. Венель-младший не сомневался, что Аделин д'Эстревер собирается обвинить Арно де Тизана в преступном попустительстве, а тот в результате мог лишиться не только всего состояния, но и головы на эшафоте. Впрочем, Ардуин не признался бы Арно де Тизану в том, что правосудие в его лице настигло старшего бальи шпаги. Есть счета, которые улаживаются только между двумя людьми, и лишь Бог является здесь единственным судьей.

* * *

Никакого отдохновения не принесла Ардуину эта ночь, проведенная в прекрасном спокойном доме, унаследованном когда-то от старого галантерейщика. Венель-младший надеялся, что, вернувшись в свое элегантное логово, он сможет привести мысли в порядок и принять наконец решение. Вместо этого он чувствовал постоянное нервное возбуждение и не понимал, как ему лучше поступить: остаться здесь или вернуться в Ножан-ле-Ротру.

Умывшись перед туалетным столиком в спальне, мэтр де Мортань спустился в кухню, чувствуя непонятную смутную тревогу. Бернадина была занята приготовлением кровяной колбасы. Клотильда вопреки обыкновению была здесь и с хмурым видом помогала ей.

Увидев Ардуина, служанка-наперсница подняла голову и улыбнулась. Клотильда едва удостоила его взглядом.

– Надеюсь, вы хорошо провели ночь, – воскликнула Бернадина, вытирая руки о передник. – Присаживайтесь, хозяин, сейчас я подам на стол.

Ардуин послушался, в который раз задав себе вопрос: и чего ради он подобрал Клотильду – несговорчивую упрямую нищенку, сидевшую у главного входа церкви в Мортане? Почему он вдруг ощутил желание заговорить с ней и, к большому неудовольствию Бернадины, дать ей место в своем доме? Впрочем, юная девушка потрясла его. Сухим безразличным тоном она рассказала о кончине своей матери, переходившей из одной постели в другую и чаще бывающей пьяной, чем трезвой. Если верить словам Клотильды, не имея ни единого су, чтобы позвать священника, она сама похоронила ее ночью. И, что особенно растрогало Ардуина, девушка намочила в святой воде кусок полотенца, которое обернула вокруг шеи своей умершей матери. «Это для того, – сказала Клотильда, – чтобы Бог смог ее узнать, хоть она и похоронена не в освященной земле».

Мэтр Высокое Правосудие немного сожалел о своем внезапном приступе великодушия, так как Бернадина ругалась, повторяя, что эта помойная девица «запросто голову с задницей перепутает». Ардуин так и не понял, слабоумна она или же окружающий мир ее просто не интересует. Единственное исключение составлял пес Эней, к которому она относилась с самой искренней и взаимной нежностью. Однако голос интуиции подсказывал Ардуину, что этот добрый поступок совершен под влиянием каких-то высших сил и не является просто случайностью.

Бросив взгляд на три тетради, где содержались записи с процесса Эванжелины Какет, Клотильда несколько раз повторила: «Это важно. То, что там внутри, тебе очень важно».

Однако, когда Ардуин принялся ее расспрашивать, девушка не выказала никакого интереса к той другой дурочке, убившей топориком свою жестокую хозяйку, с удовольствием лишавшую ее еды и щедрую лишь на всевозможные наказания.

Помахивая в воздухе руками, Клотильда с самым безразличным видом наблюдала, как хлопчет вокруг хозяина Бернадина, наливая ему стакан теплого сидра и отрезая сначала большой ломоть хлеба, а затем – кусок сала.

Раздраженно вздохнув, служанка едко заметила:

– Нечего сказать, хозяин, прямо сокровище отыскали. Вы только посмотрите на эту тупую телушку! Стоит и даже не пошевелится.

– Это не очень-то любезно с твоей стороны, – ответил Ардуин.

– Может, это и так, зато я права. Она даже свой хлеб не отрабатывает. Вы не смотрите, что она такая худенькая; жрет-то она за троих, уж можете мне поверить.

Но ругань Бернадины не вызвала никакого отклика у этой девушки, у которой худоба странным образом сочеталась с тяжеловесными повадками.

– Чем ворон считать, иди лучше колбасу вари! – нервно выкрикнула служанка. – Свинью ведь надо приготовить или в тот же день, как ее забили, или на следующий^[26]. И смотри, помешивай ее как следует!

Без единого слова Клотильда сделала, что ей сказано. Обмотав вокруг предплечья свиную кишку, наполненную свернувшейся кровью, сдобренной солью и пряностями, она, волоча ноги, направилась к котлу, висящему над очагом.

Не отвлекаясь от своего занятия, Бернадина произнесла уже более мирным тоном:

– Ну вот и хорошо! До январских холодов у нас будет достаточно кровяной колбасы.

– Что ты говоришь? – переспросил Ардуин, который был поглощен своими мыслями и не прислушивался к ее болтовне.

– Старому Пьеплу свинья бедро клыком распорола. Ох и злится же он, я думаю! Тяжеленный оказался боров...^[27] Такой защитит свиней с поросятами и от бродячих собак, и от волков.

Рассказав эту историю во всех подробностях, Бернадина вдруг замолчала и фыркнула:

– Я вам только надоедаю своими историями про свиней, так ведь?

– Нет, что ты, – улыбнулся Ардуин. – Твои истории мне нравятся даже больше твоей кровяной колбасы.

Недоверчиво покачав головой, служанка присоединилась к Клотильде, которая молча орудовала, низко склонившись над котлом.

– А вот я терпеть не могу кровавые кишки, – неожиданно произнесла девушка.

– А твоего мнения здесь вообще никто не спрашивал! – резко бросила Бернадина. – Может быть, тебе рагу из птичек^[28] подать или кормить рыбным пирогом каждый день? Некоторым только палец дай, так они всю руку захапуют! Эта девица умеет отблагодарить на славу, нечего сказать! – завершила она свою гневную речь.

Неожиданно Клотильда выпрямилась и со всей силы толкнула Бернадину, а затем выкрикнула, злобно размахивая руками:

– А я ничего и не просила! Вот у него только милостыни.

Яростным жестом указав подбородком на Ардуина, она прошипела:

– Вот он меня сюда привел! А я ни о чем не просила! Он мне даже не сказал, что делается! А я и не захотела бы жить в доме палача, мне тошно здесь! Да когда я выхожу на улицу, все шарахаются от меня, будто я провоняла дохлятиной!

С этими словами она плюнула на пол и широкими шагами вышла из кухни.

Вне себя от ярости и унижения, Бернадина вскочила с места и, подняв руку, ринулась вслед за этой нахалкой, чтобы отвесить ей пощечину. Но Ардуин спокойно, но требовательно произнес:

– Не надо! Останься.

Повисло молчание, особенно тягостное после этого неожиданного взрыва. Мэтр де Мортань невидящими глазами уставился на стоящий перед ним глиняный стакан. Вдруг необычный звук заставил его поднять голову. Мертвенно-бледная Бернадина плакала, горестно сжав губы.

Вскочив на ноги, Ардуин поспешил к ней, обнял и зашептал на ухо:

– Не надо, не надо, моя хорошая... Не плачь. Оставим печаль для тех случаев, которые действительно ее заслуживают.

И, легонько похлопав ее по спине, продолжил:

– Давай-ка, налей нам лучше по доброму стакану^[29] вина. Давай выпьем за всю глупость этого мира. Хотя глупости в нем столько, что мы могли бы не переставая пить за нее хоть до завтрашнего дня!

И со смехом добавил:

– Но, черт побери^[30], какова нахалка!

Входная дверь вдруг резко хлопнула. Клотильда ушла, унося свое скудное имущество – смену одежды, подаренную мастером высоких деяний.

Покраснев от злости, Бернадина вдруг помчалась за ней:

– Ну уж нет! Постой-ка, дрянь никчемная! Выворачивай сумку сию минуту! Если ты хоть что-то украла, получишь у меня на орехи!

Ардуин уселся ее ждать. Он был уверен, что Клотильде и в голову не пришло что-нибудь стащить.

* * *

Что это – странный эпизод жизни под одной крышей со слабоумной или той, что только кажется ею? Перст судьбы или совпадение? Пожалуй, ему надо перестать всюду выискивать ее знаки. Но, несмотря на это благоразумное решение, мысль следовала дальше. А если... Если встреча с Клотильдой должна была подтолкнуть его к чему-то? Она его тогда сильно смутила своими словами о том, что в тетрадах с процесса об убийстве Мюриетт Лафуа Эванжелиной Какет содержится нечто очень важное для него. Немногим позже ему удалось выяснить, что приславший ему эти тетради Арно де Тизан много чего недоговаривал. Мэтр Высокое Правосудие провел в Ножан-ле-Ротру расследование многочисленных жестоких убийств уличных детей. А затем он снова встретил Мари де Сальвен или, по крайней мере, другую Мари. Является ли Клотильда инструментом судьбы, имеющим некую таинственную связь со всеми этим событиями, происшедшими в его жизни?

– Прекрати, наконец, эти бредни! – выругал Ардуин сам себя. – И перестань, наконец, думать об этой неуравновешенной юной особе.

Его размышления прервало возвращение Бернадины. Та с горящими глазами тяжелыми шагами вошла в кухню. Щеки ее пылали, пряди волос выбились из-под накрахмаленного батистового чепца.

– Надеюсь, ты ее не побила.

– Нет, хотя, честно говоря, у меня просто руки чесались это сделать. Ну, пусть она только попробует вернуться когда-нибудь! Она мне тут еще рот будет открывать!..

– Спокойно, Бернадина, спокойно! Она не стоит твоего гнева. И прошу тебя, налей же нам, наконец, по стаканчику вина. Выпьем за удачу и забудем о тех несчастных созданиях, которые портят себе здоровье злостью. Они не достойны даже того, чтобы мы на них сердились.

– Слишком уж вы добрый, хозяин. Вот оцциплют вас когда-нибудь, как рождественского гуся...

– Ну уж нет! – со смехом возразил Ардуин. – В отличие от гуся у меня есть прекрасная шпага и крепкие кулаки!

Окрестности Ножан-ле-Ротру, ноябрь 1305 года

Всю ночь баронесса-мать Беатрис де Вигонрен не смогла сомкнуть глаз. Она ходила из угла в угол своей комнаты, время от времени сама подбрасывая поленья в камин, чтобы не звать слугу. Ведь тогда он, чего доброго, решит, будто она нездорова, раз ее мучит бессонница. Затем Беатрис мысленно обратилась к Франсуа, своему нежному покойному супругу, умоляя поддержать ее в этой жизненной буре. Мужу, который называл ее «моя перепелка» или «моя храбрая девочка», когда она обвивалась вокруг него, вздыхая в ожидании ночных ласк, или когда капризничала, упрямо морща свой очаровательный носик.

Беатрис сознавала, что получила множество подарков судьбы. Она вышла замуж за того, к кому лежало сердце: неслыханная удача для женщины. Она с улыбкой вспоминала о том ужасе, с которым ожидала своей первой брачной ночи. Впрочем, старая кормилица много раз объясняла ей, чего супруг будет ждать от нее. Не особенно заманчивое описание, которое заставило ее страшиться этого момента, в то время как Франсуа за время помолвки сумел завоевать ее любовь. Она дрожала от страха, когда он принялся расшнуровывать ее ночную сорочку, богато отделанную кружевами. Тогда ей едва исполнилось шестнадцать. Беатрис лихорадочно перебирала в памяти неясные намеки матери, рассказы кормилицы и увиденные сцены совокупления собак. «Это твой главный супружеский долг, и ты должна покорно его исполнить, дочь моя. Впрочем, лишиться девственности – это немного болезненно, и у тебя, конечно, будет кровотечение. Но утешься, остальное будет не настолько неприятно. Просто думай о чем-нибудь другом».

Когда ночная сорочка упала к ее ногам, Беатрис почувствовала, как тошнота поднимается у нее к горлу. Франсуа, который лишил невинности множество девиц, тотчас же понял, что она сейчас чувствует. Фыркнув от смеха, он прошептал ей на ухо:

– Душенька моя, мы никуда не торопимся. Ночь еще только начинается. Давай будем наслаждаться, моя перепелочка. Я знаю множество разных вещей, которые непременно доставят тебе удовольствие.

Господи, как же они смеялись наутро, когда, совершенно обессиленная, Беатрис пересказала ему все, что ей говорили мать и кормилица...

Теперь же отсутствие Франсуа стало для нее источником жестоких страданий, таких сильных, что она даже задыхалась от них. Впрочем, баронесса достаточно хорошо знала жизнь, чтобы отдавать себе отчет: как жена и как мать, она была настолько счастлива, как очень немногие из ей подобных. Но, несмотря на это, теперь Беатрис была одинока, ужасно одинока, и единственным оружием и защитой для нее была тень супруга. Все еще раз взвесив, она окончательно уверилась, что Маот, ее невестка, отправила его на тот свет и мечтала о смерти самой Беатрис. Она очень хотела увидеть, как невестку, воющую от страха, поволокут на площадь и возведут на костер правосудия. Она предвкушала картину нечеловеческого ужаса, который появится на лице Маот, когда ее лизнут языки костра. Они станут для нее преддверием адского пламени.

Но один и тот же вопрос назойливо крутился у нее в голове, оставаясь ужасной загадкой: почему, в самом-то деле, почему Маот отравила своего свекра, мужа и едва не прикончила своего сына, маленького Гийома, которому всего пять лет? В чем причина?

Деньги, титул, владения? Нет, все это не так важно. Франсуа-отец и так мог скончаться со дня на день, Франсуа-сын, супруг Маот, прямой наследник по мужской линии, унаследовал бы почти все, за исключением вдовьей доли его матери и суммы ежегодного дохода его сестры Агнес, супруги Эсташа де Маленье, который и сам был богат, что являлось в глазах Беатрис его единственным достоинством. Но, может быть, Маот нужны были и деньги, и свобода, которую давало бы ей положение вдовы с ребенком... Ведь именно поэтому многие дамы из дворянства и буржуазии избегают вторично вступать в брак. Сердце же самой баронессы-матери целиком и полностью принадлежало Франсуа с той самой первой брачной ночи.

Одна лишь мысль, что все эти годы она жила рядом с самой ядовитой из змей, вызывала у нее желание извергнуть наружу содержимое желудка. Ее ненависть к Маот невозможно было выразить никакими словами. Как бы ей хотелось собственноручно задушить эту дрянь! Самые ужасающие из пыток, какие только имеются в арсенале палача, казались ей слишком мягкими для такой гнусной злодейки.

– Франсуа, милый мой, дорогой Франсуа, эта гадюка, которую вы любили, которую почтили своими милостями и великодушием, тайком хладнокровно лишила вас жизни. Я ненавижу ее, как же я ее ненавижу! Пусть она будет проклята, пусть она вечно горит в аду!

С этими словами Беатрис подошла к кабинету^[31] из розового дерева с опаловыми, бирюзовыми и аметистовыми инкрустациями и вынула из верхнего ящичка написанную на перламутре миниатюру с портретом ее мужа. Она принялась с безумной страстью целовать этот портрет, а затем, содрогаясь от рыданий, повалилась на мягкий ковер, устилавший пол в ее прихожей.

* * *

Мартина, войдя ранним утром в комнату своей хозяйки, огорченно заметила:

– О, мадам, у меня просто сердце кровью обливается, когда я на вас смотрю. Господи милостивый, как же это несправедливо к вам! Эта негодяйка, эта... мерзость, умереть ей без покаяния, и пусть она тысячу смертей переживет, прежде чем сдохнет.

Мартина действительно обожала баронессу-мать, которой служила с ее пятилетнего возраста. К тому же она знала, что в ее возрасте и с ее неловкими от старости руками она не сможет найти себе другое место. Прекрасно понимая, что ее помощь хозяйке с туалетом и прической не так хороша, как надо, она старалась развлекать баронессу, искусно смешивая советы, полные здравого смысла, забавные истории и немного тонкой лести. Баронесса благоволила ей, предоставляя жилье в дополнение к скромному жалованью. Кроме того, мадам Беатрис была благодарна и признательна ей. Мартина знала, что в завещании баронессы значится и ежегодная сумма для нее – скромная, но вполне достаточная. Будучи хитрой исключительно в силу необходимости и лишенной какой-либо злости, Мартина все же вела себя с неизменной живостью и резвостью, иногда задевая тех и других своим резковатым, но довольно забавным язычком, а иногда умело используя доверительный тон. Но тем не менее она очень разволновалась, увидев заплаканные глаза своей хозяйки.

– О, мадам, что я могу сделать, чтобы поднять вам настроение?

– Ничего, моя хорошая; невозможно вернуть назад то, что уже прошло. Мне показалось, что я в плену ужасного ночного кошмара, из которого неизвестно как выбраться. Но это уже

прошло. Что говорят о маленьком Гийоме?

– Он настойчиво просил позвать маму. Мадам Агнес объяснила ему, что та очень утомилась, ухаживая за ним во время болезни, и теперь отдыхает у одной из своих подруг, где проведет довольно долгое время. Мадам Агнес проявляет к своему племяннику столько нежности и деликатности.

– А что Эсташ?

Зная, что баронесса-мать не особенно благоволит к своему зятю, Мартина постаралась, чтобы в ее ответе звучало плохо скрытое раздражение. Она надеялась, что это понравится ее хозяйке.

– Ну... Монсеньор Эсташ... остается монсеньором Эсташем!

В самом деле, на губах баронессы де Вигонрен появилась тонкая улыбка. Затем мадам Беатрис вспомнила о другом деле, требующем немедленного решения:

– Мартина, ты помнишь этого отъявленного плута – фермера Фирмена Гуарда? Того, который попытался меня надуть, без сомнения приняв за глупую гусыню, которую можно безнаказанно общипать?

– А как же! По его словам, град, который выпал в марте, побил вашу пшеницу, и поэтому он не может выплатить вам денег. Вы ловко тогда срезали этого негодяя! Этот еще хуже своего отца, который теперь удалился от дел... Подать вашу голубую котту^[32], мадам? А какую верхнюю одежду^[33]?

– Выбери сама, моя хорошая, мне сейчас совершенно не до этого.

Ласково взяв хозяйку за руку, Мартина повела ее к одному из стульев, стоящих вокруг столика в прихожей, посоветовав:

– Присядьте, милая мадам, я сейчас всем займусь.

Она подошла к камину и, скрыв гримасу боли, наклонилась и подложила в очаг два больших полена, заявив:

– Ох и отругаю я этих слуг! Дров меньше некуда. Им надо как следует растолковать, как относиться к своим обязанностям. Лентяи до мозга костей. Ворон считать, набивать себе брюхо или забавляться – это они великие мастера!

– Не надо их ругать, это я ночью замерзла до костей.

– Неужели вы переживали из-за этого мерзкого прохвоста Гуарда?

– Кстати, несмотря на постоянную ложь и увертки, он проговорился об одной важной вещи. Это были единственные слова правды, которые он произнес. У Эсташа есть некое пристанище в Ножан-ле-Ротру, так сказать, «чтобы заниматься делами»; оно находится в самом конце улицы Роны.

– Неужели он никогда об этом не упоминал? К примеру, в разговоре с мадам Агнес?

– Не думаю. Готова спорить, что моей дочери ничего об этом не известно. К тому же я не желаю с ней об этом говорить.

– Оооооох!

Баронесса тут же уловила намек Мартины:

– Да, мы думаем об этом одно и то же, так как дела моего зятя совершаются в Париже, иногда в Ле-Мане или в Ренне.

– Неужели он содержит какую-то мерзавку? Или у него там случайные интрижки?

– Признаться, мне самой очень хотелось бы это знать. Ты только представь себе... Вдруг какая-то девка родит от него ребенка! Такой простоватый сеньор, как Эсташ, может оказаться лакомой добычей для искательницы покровителей... Ну уж нет! Его деньги

перейдут по наследству или к его сыну, или к моей дочери. И ни к кому больше.

– Этим, пожалуй, объясняются и его частые посещения Ножана. Он находит удовольствие в том, чтобы проводить время в тавернах, щедро одаривая веселых девиц. Со всем моим почтением, мадам.

– Ты вовсе не оскорбила меня этими словами, так как я пришла к тем же самым выводам. Если б я не опасалась быть узнанной или столкнуться с ним нос к носу...

– О, ради бога, мадам! Нет-нет! Вам – и вдруг шпионить... никогда! Я сама отправлюсь туда: погляжу, что да как, поболтаю с разными людьми... Это же подумать только: наставить рога мадам Агнес!.. Жирный боров, который умеет поддержать беседу, не лучше выючного мула. Это грубое животное просто не понимает, какое счастье ему выпало, – продолжала браниться Мартина, к полнейшему удовлетворению баронессы. Мадам Беатрис благодарно взяла ее за руку.

– Мартина, ты для меня так драгоценна... Что бы я делала без тебя?

– Вы для меня, конечно, еще более драгоценны, мадам. Что бы со мной без вас стало? Мне страшно даже думать о таком.

И она шепотом добавила, причем совершенно искренне:

– Мадам, я старуха, у которой нет ни единого су и нет другой семьи, кроме вас. О, я знаю, что скверно служу вам. Вы такая прекрасная, такая благородная дама... Другие бы меня давно уже прогнали – и не испытывали бы никаких угрызений совести, не подумав о том, что мне осталось только побираться на паперти. Вы не думайте, мне самой все это прекрасно известно.

– Ну что ты, моя хорошая... Кроме моей дочери, ты единственная, на кого я могу рассчитывать. И ты тоже не думай, будто я об этом не знаю. Распорядись, чтобы приготовили легкую повозку, Ножан находится в добром лье отсюда. Ты отправишься туда под предлогом, будто я послала тебя за покупками. Впрочем, чтобы не возбуждать чужого любопытства, купи там каких-нибудь безделушек, что сама выберешь. Возьми дюжину серебряных денье из коробки, там, на столе. Угости стаканчиком вина кого-нибудь в тавернах, которые посещает этот глупец Эсташ. Мне этот тупой хлыщ всегда был решительно невыносим! Ах, если бы у него не было столько денег... Бедная моя Агнес вынуждена терпеть рядом это ничтожество. Он даже в постели ни на что толком не способен!

– Я помогу вам одеться и поспешу в Ножан.

Неожиданно баронесса-мать забеспокоилась:

– А что, если Эсташ увидит тебя там, если вы с ним случайно столкнетесь?

– Месье Эсташ? – переспросила служанка, хитро улыбаясь. – Вы оказываете слишком много чести его уму, если думаете, что он на такое способен. Я для него не более чем мебель.

Баронессе-матери даже не пришло в голову посоветовать Мартине держать язык за зубами. Она была уверена, что та не проговорится даже под пыткой.

Крепость Лувр, ноябрь 1305 года

Этим серым и промозглым утром крепость Лувр, «толстая башня», казалась еще более зловещей, чем обычно. Мощная и тяжеловесная, она возвышалась за границей Парижа неподалеку от моста Мельников. Вопреки плану Людовика Святого^[34], согласно которому Дворец правительства должен был быть создан на острове Ситэ, в этой башне сконцентрировались учреждения государственной власти, такие как государственная канцелярия, финансы и сокровищница. Мечтой покойного короля было заменить построенный Филиппом II Августом, своим дедом, донжон из темного камня, стены которого круглый год сочатся сыростью. Но из-за отсутствия денег работы постоянно откладывались.

Однако мессире Гийому де Ногарэ, советнику короля Филиппа Красивого, здесь было как нельзя более уютно. Толстая башня стала его владением. Он чувствовал себя как медведь в берлоге. Впрочем, что видел от своего окружения «печальный крот», которому это уничижительное прозвище было дано многочисленными тайными клеветниками? Король, Государство и Церковь – вот что имело значение для бывшего легиста, который, в сущности, и управлял государством из своего холодного неуютного логова. Ему были совершенно безразличны приближенные короля, фавориты, которые суетились, строили козни, чтобы откусить кусочек от пирога, именуемого Францией, – земли, состояния, влияние на короля. Эти будут ползать на брюхе перед любим, кто предложит им хоть крохотную привилегию. Пусть они упиваются своими ухищрениями. Не стоящие внимания мелкие сошки. Их заранее тревожили любые смены настроения суверена или расчеты крупных баронов и особенно монсеньора Карла де Валуа – единственного родного брата короля, к которому тот демонстрировал особенную нежность; с точки зрения Гийома де Ногарэ, даже чрезмерную.

Валуа воплощал в себе все, что презирал Ногарэ. Особенно его финансовые притязания, которым не было ни конца ни края. Он легко путал государственную сокровищницу со своим собственным карманом. Советник больше не считал расходов и особенно утечки денег в ливрах^[35], которыми оплачивались мечты о власти монсеньора де Валуа или его армии.

На самом деле он не любил брата короля, этого ничтожного фата, хотя и, несомненно, храброго в сражении. По примеру прочих крупных баронов Карл жил на широкую ногу и разбазаривал деньги тех, кто зарабатывал их тяжелым трудом. До Ногарэ доходили сведения о голодных мятежах, которые начали происходить в деревнях. Но в глазах королевского советника главным была верность Валуа своему брату. Расстроить по нескольку заговоров в месяц!..

Советник поднес к своему изможденному лицу руки с длинными костлявыми пальцами. Он казался столетним стариком – во всяком случае, не меньше тридцати пяти лет^[36]. Маленький, хрупкий, с сухой желтоватой кожей, мессир де Ногарэ, несмотря на это, производил впечатление. Причиной этому были огромная власть и глубокий изоощренный ум, вдобавок к которому этот человек обладал бездной секретов – не особенно почетных, а зачастую и очень опасных. Все они скапливались за выпуклым, перечеркнутым глубокой морщиной лбом королевского советника. Очень редко, когда Ногарэ бывал в духе, он забавлялся, несколько раз повторяя собеседнику:

– Дорогой, политика имеет вид полного блюда потрохов. И оно непременно должно пахнуть дерьмом. Не слишком сильно, иначе оно станет несъедобным! Моя роль состоит в том, чтобы добавить туда специй.

Взаимоотношения с монсеньором де Валуа больше походили на сложное акробатическое выступление. Несмотря на громадные доходы, Карл был по уши в долгах. Чтобы рассчитаться с кредиторами, он занимал в другом месте. Благодаря бесчисленным шпионам, которых держал у себя на службе, Ногарэ знал, что брат короля задолжал целое состояние кавалерам Христа^[37] и что эти деньги уже растрачены. Советник, чья абсолютная преданность Филиппу Красивому не знала ни исключений, ни послаблений, даже когда дело касалось его распрей с Папой Климентом V, раздумывал, каким образом ему использовать эти сведения. Побудить Карла де Валуа совершить какой-нибудь промах, что навлекло бы на него гнев царственного брата? Или воспользоваться этим колоссальным долгом, чтобы подкрепить доводы суверена против ордена тамплиеров, пустить слух о грандиозном вымогательстве? Мессира де Ногарэ не остановило бы и откровенное надувательство, если б оно пошло на пользу его сюзерену.

Гийом тайком поздравлял себя с кончиной королевы Жанны Наваррской^[38], которая произошла несколькими месяцами раньше. Королева была грозным противником. Король же погрузился в глубокую печаль, потеряв друга и советчицу. Не самое лучшее решение, как считал Ногарэ. Королева благосклонно внимала всяким угодливым льстецам, самым вызывающим и опасным из которых, по мнению Ногарэ, был Ангерран де Мариньи^[39]. И это даже если не брать в расчет его алчность и корыстолюбие. Сам же королевский советник, хоть и обогатился на своей должности, никогда не расхищал деньги короны. Но мадам Наваррская любила умные изящные рассуждения, красивые фразы и различные пируэты риторики. Ногарэ же был чересчур молчаливым, занятым и слишком серьезным. Она частенько публично посмеивалась над своим «суровым печальником», предпочитая ему педантичный, но блистательный цинизм этого Мариньи, который умел вовремя погладить ее по шерстке. А Ногарэ всегда становилось не по себе рядом с женщинами, особенно с королевами.

Сидя за рабочим столом, сгорбившись над книгами записей и свитками посланий, где рядом громоздились черновики и рога, наполненные чернилами для секретарей, мессир де Ногарэ разглядывал просторный рабочий кабинет, где проводил все свои дни и добрую часть ночей. Он улыбнулся, бросив взгляд на гобелен^[40], повешенный за его спиной: полупрозрачная Святая Дева показывает миру младенца Христа, который смотрит удивленным взглядом глубокого старика. Гийом видел в этом чудо во всей его бесконечной мощи и абсолютной полноте. Короче говоря, мечту о совершенно невозможном мире. Тем не менее, вопреки людской грязи, в которой барахтался каждый день, несмотря на прозвище, которое он втайне сам себе дал – «советник выгребных ям», – Ногарэ знал, что сила, которая поддерживает его в жизни, – это абсолютная вера в Спасителя, в Божественного Агнца.

Вошел привратник, который нес перед собой блюдо. Склонив голову, он еле слышно прошептал:

– Ваш обед, монсеньор. Я бы не осмелился вас беспокоить, но...

– Поставь на каминный колпак. Мой... приглашенный уже здесь?

– Еще нет, мессир. Когда он придет, я тотчас же дам вам знать.

– Хорошо, а теперь оставь меня. Когда он появится, проводи его в прихожую *in oraso*^[41].

И чтобы никто его не увидел. Отвечаешь за это головой.

– Все будет сделано, как вы приказываете, монсеньор.

Как только он ушел, Ногарэ поднялся на ноги, сопровождаемый жалобным шелестом своего темного и давно вышедшего из моды костюма легиста, на который была наброшена накидка, ниспадающая почти до пола и украшенная лишь оторочкой из меха белки или выдры в зависимости от времени года. Королевский советник с презрением относился к нарядам, расшитым золотом и серебром, к штанам, украшенным лентами и бантами, – ко всему этому яркому оперению придворных пташек. Это же надо – натянуть на себя бланшет^[42], на котором живого места нет от вышивки, плотно облегающий камзол, глубоко вырезанный сзади и спереди, светящегося зеленого^[43] цвета, который ясно говорил всем, что обладатель этой одежды принадлежит к тому же миру, что и они. А эта новая мода на короткие и невероятно облегающие одежды, создающие видимость невероятной худобы! Но мессир де Ногарэ придерживался того мнения, что разница между теми, кто обладал влиянием при дворе, и теми, кто хотел бы заполучить хотя бы малую толику его, была огромной. Сам он является абсолютной властью после короля; взгляд его лишенных ресниц глаз с полупрозрачными веками внушал всем страх. Никто, на ком хотя бы раз остановился этот взгляд, никогда не мог его забыть. Страх – непобедимое оружие для тех, кто умеет им владеть. Смерть Жанны Наваррской стала для Ногарэ настоящим благословением, драгоценной передышкой, так как, несмотря на показное дружелюбие, королева являла для него самую мрачную угрозу. Она уже не один месяц строила козни, чтобы вытеснить его с места привилегированного королевского советника и посадить на его место Ангеррана де Мариньи.

Мессир де Ногарэ был расчетливым, талантливым обманщиком и вдобавок обладал внушающей ужас пронизательностью. Вряд ли кто-то решился бы дать ложные обещания человеку, обладающему такими качествами. Кроме страстной веры в Бога, в его сердце находилось место лишь королю, его господину. Впрочем, в глазах советника Филипп был не человеком, а скорее некой аллегорией Французского королевства. Гийом разделял цели и взгляды суверена, унаследованные им от Филиппа II Августа: создать мощное государство, объединив – если это необходимо, с помощью силы и принуждения – все баронства и графства, которые барахтались в болоте мелочных интриг, не заботясь ни о будущем королевства, ни о более серьезных опасностях, которые могли угрожать извне. Они были заняты лишь собственным обогащением, междоусобными войнами и прочими пустяками.

Также Ногарэ руководствовался двумя требованиями монарха: усмирить орден тамплиеров, чтобы объединить воинствующие ордены – настоящую свору, охраняющую Папу, – под знаменем своего сына Филиппа де Пуатье и добиться от Климента V посмертного процесса над Бонифацием VIII, бывшим Папой и заклятым врагом Филиппа, несмотря на то что он уже три года как умер. Ногарэ не сомневался, что своим близким избранием этот скользкий угорь Климент обязан лишь благоволению Филиппа и что он окажется глух к главным интересам государства. Ногарэ лавировал, изо всех сил стараясь, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, стремясь не допустить разрыва между Церковью и ее старшей дочерью Францией. Разрыва, который мог вызвать гнев Филиппа Красивого. Мысли о деле тамплиеров придавали мессиру де Ногарэ бодрости – ведь это верное средство угодить королю, своему господину. После разгрома Акры монахи-солдаты были отправлены на Запад, в частности во Францию, где, по мнению монарха, они представляли собой угрозу. Ногарэ выставил против них две мощные армии, ибо человеческому роду свойственны

ревность и склонность сердиться на тех, кому ты должен. Со всей своей чистотой и самоотверженностью тамплиеры одерживали победы и тысячами умирали, чтобы защитить христианство. Они жертвовали собой на полях сражений, принимали ужасную смерть в сарацинских застенках. А откровенно вызывающее богатство этого ордена разжигало желчь даже больше, чем потеря Акры. Ногарэ опасался реакции ордена госпитальеров, столь же богатого, как и храмовники. Но у госпитальеров оказался более гибкий позвоночник: они поняли, что от этого зависит их безопасность. Они выбрали великим магистром осторожного дальновидного политика, который умело лавировал в лабиринтах власти.

В противоположность ему храбрый, но спесивый Жак де Молэ, великий магистр тамплиеров, был совершенно невыносим королю. Надо быть совершенным безумцем, чтобы вести такую жесткую политику с Филиппом и особенно чтобы переоценивать его поддержку. Молэ был убежден, что Климент V ему поможет, что стало еще одним громадным промахом. Папа хитрил с Филиппом. Он сохранял с ним видимость хороших отношений, но в то же время опасался возвращаться в Рим, настаивая на том, чтобы поселиться в Авиньоне. Его главное занятие состояло в том, чтобы без особого ущерба вытащить булавку^[44]. Да, у Климента были повадки тонкого дипломата. В его глазах Жак де Молэ, который так неразумно цеплялся за свой титул великого магистра и связанные с этим привилегии, начинал представлять собой серьезное препятствие. Что же касается его братьев по ордену – мелких дворянчиков или зажиточных крестьян, – что ж, тем хуже для них. Ветер переменился, и он перестал быть для них благоприятным. Те из них, кто достаточно умен, чтобы покинуть тонущий корабль, – те, конечно, спасутся. А остальные? А вот они, клянусь Богом, будут уничтожены!

Ногарэ боролся с печалью, которую причинял ему этот неотвратимый конец. Сколько достойных бескорыстных людей, которые высоко несли Крест, без колебаний умрут за него... Однако слишком поздно. Кости брошены, но об этом знают лишь он, король и Папа. И этого достаточно!

Гийом втянул в себя запах пара, исходящий от супа, и жадно схватил большой кусок пшеничного^[45] хлеба. Откусив от него, он возблагодарил Бога за его благодеяния. Умеренность мессира де Ногарэ была общеизвестной. Карл же постоянно обжирался, будто свинья на убой, рыгая, вставал из-за стола, чтобы освободить переполненный вином мочевого пузырь, и в конце концов валился в кровать, чтобы прохрапеть там большую часть дня.

Почему Бог в своей бесконечной мудрости счел нужным одарить его таким королем – благородным, строгим и сдерживающим невыносимые пороки своего брата? В его разуме тут же вспыхнул ответ: Карл – младший брат, который никогда не станет королем. Наследниками трона являются три сына Филиппа Красивого и их потомки, которые в свое время появятся на свет. Жалкое утешение, так как, за исключением Филиппа де Пуатье, двое остальных, старшим из которых был Людовик Сварливый^[46], полностью заслуживший это прозвище, были бы поистине жалкими суверенами.

И правда, что Карлу делать со всем этим? Ногарэ прекрасно знал, что брат короля его терпеть не может. Возможно, причина была в том, что ему удалось ограничить его набеги на королевскую сокровищницу, и иногда – разумеется, с многочисленными предосторожностями – убеждать короля дать тому другие привилегии. Привилегии, которых, с точки зрения мессира де Ногарэ, Валуа был недостоин.

Тактика королевского советника состояла в том, чтобы собирать все, что только возможно, против Карла де Валуа, чтобы затем одним ударом разделаться с этим ослом.

Досье, которое может ему также послужить и при других обстоятельствах...

Он смаковал суп маленькими глоточками и, доев кусок хлеба, завершил трапезу несколькими сухими сливами. Затем осушил стакан вина, спрашивая себя, не расслабит ли оно его. Внезапно на ум ему пришла фраза святого Бенуа: «Лучше выпить умеренное количество вина, чем избыточное – воды». Утешившись таким советом, он допил последний глоток.

В дверь кабинета снова постучали. Вошел привратник.

– Монсеньор, ваш приглашенный посетитель ожидает в прихожей *in oraso*. Я положил там на столик кошелек, который вы мне вручили.

– Пригласи его сюда.

Мортань-о-Перш, ноябрь 1305 года

Ардуин Венель-младший доверил Фрингана слуге в одной из контор, где можно было взять внаем лошадей и упряжь – в той, которая располагалась на въезде в город. Следуя своей привычке, он не стал прикреплять опознавательный знак в виде палки к рукаву своего камзола^[47]. С его стороны это был странный^[48], но привычный бунт, уверенность, что он пройдет всюду, оставаясь как можно более незаметным. Больше всего на свете ему сейчас хотелось в тишине и спокойствии обдумать, как ему следует действовать. Таким образом Ардуин защитил себя, проявив скрытность, которая хоть иногда позволяла ему избавиться от душающей тяжести, порожденной страданиями и смертью, сопровождавшими каждый из его дней. Речь шла вовсе не о смеси страха, презрения и отвращения, которую он ясно читал во взглядах окружающих; скорее это делалось, чтобы держаться на расстоянии от себя самого, чтобы каким-то образом уживаться со своим существованием палача. С другим Ардуином, в шкуру которого он вынужден был влезать, исполняя свои обязанности. Во время казней его лицо было скрыто за черной кожаной маской, доходящей до самого горла, поэтому никто не смог бы его сейчас узнать. В том числе и свидетели, и его несчастные жертвы. Странное противоречие: ведь, узнав его, близкие обвиняемого могли бы попытаться дать ему «на лапу», подкупить его, чтобы облегчить тому страдания и агонию. И в то же самое время ему предписывалось носить этот отличительный знак, выделявший его среди всех прочих. Неплохой пример логики, как ее понимают большинство людей!

Ардуин направился по улице Сен-Жан, по обе стороны которой возвышались крепкие зажиточные дома, зачастую в два этажа. Изрядная высота домов ясно говорила о богатстве их хозяев, все крыши были покрыты сланцевыми плитками с Луары^[49], которые очень ценятся из-за своего цвета и долговечности. Остальные более скромные жилища были покрыты крышами из черепицы или дранки, которую пытались запретить из-за того, что при пожаре она помогала огню распространиться на очень большую территорию.

Особняк, который занимал мессир Арно де Тизан, когда у него были дела в Мортане, находился в самом конце улицы. Ардуин вошел в приемную^[50], удивившись, что не видит там часового на посту. Когда же он с озабоченностью, если не сказать растерянностью, поднялся на второй этаж по ступенькам из старого, почти черного дерева, то увидел нечто такое, что его крайне удивило. Перед ним предстало нечто вроде хаотического почти безмолвного балета лакеев, служанок и секретарей, которые сновали взад и вперед с сосредоточенным, суровым, даже зловещим видом.

Наконец ему удалось остановить одного из них, схватив за рукав ливреи. Ардуин поинтересовался нарочито безразличным тоном:

– Мессир де Тизан у себя? Я прошу аудиенции у него.

Слуга уставился на него несчастным взглядом, как будто наступил конец света, и дрожащим голосом прошептал:

– О, мессир... я, право, не знаю... в самом деле...

– Что происходит?

– Прошу меня простить, но я не могу... – взволнованно произнес лакей и, сделав быстрое движение, чтобы освободиться, устремился к противоположному концу лестничной

площадки.

Совершенно сбитый с толку Ардуин спросил себя, не лучше ли уйти и вернуться сюда завтра. Во всяком случае, он непременно должен получить подтверждение того, что узнал от хозяйки «Напыщенного кролика» – приличного заведения на улице Пупардьер, в котором мэтр Высокое Правосудие обычно останавливался, приезжая в Ножан-ле-Ротру. Стараясь не столкнуться со слугами, ведшими себя, по его мнению, как обитатели курятника, в который забралась лиса, и явно не были заняты никаким делом, Ардуин пошел по широкому коридору, стены которого были облицованы светло-серым камнем, и приблизился к кабинету сеньора помощника бальи. Дверь, состоящая из двух резных створок, оказалась приоткрыта. Ардуин постучал в нее и немного подождал. Никакого ответа. Он уже собирался войти без приглашения, когда перед ним появился старый, скрюченный от артроза слуга, который во время последнего визита Ардуина принес сюда стаканы настойки. На лице его воцарилось выражение полнейшей растерянности, глаза были мокры от слез.

– Со всем моим почтением, мессир, не входите... мой хозяин всегда вас так уважал...

– Но что...

Старик печально покачал головой, и мэтр Высокое Правосудие почувствовал, что тот вот-вот расплачется. Однако, насколько помнил Ардуин, Тизан был не особенно любезен со своими слугами.

Мэтр де Мортань хотел уже легонько оттолкнуть его в сторону, как тот воспротивился и пробормотал:

– Его дочь, старшая... она только что скончалась.

– Что? Какая ужасная новость! От лихорадки?

– Несчастный случай, – прошептал старик, опуская глаза. – Я больше ничего об этом не знаю.

* * *

Ардуин порылся в воспоминаниях. Арно де Тизан никогда не был с ним особенно близок. Да и с чего бы ему делиться сокровенным со своим палачом, самым презираемым из тех, кто ему служит? Тем не менее в таком небольшом городе всегда ходят разные нескромные слухи, поэтому и Ардуину стало известно кое-что из жизни помощника бальи. У Тизана было пятеро детей от двух браков. Его последняя супруга, которая была намного моложе него, умерла от родов несколько лет назад. Ардуин смутно помнил то, что говорили о его старшей дочери, имени которой он не мог вспомнить. Единственно, что он о ней знал, – та стала монахиней-затворницей в аббатстве Клерет.

Несмотря на совет старого слуги, он решил войти и открыл дверь в кабинет Арно де Тизана.

Помощник бальи стоял перед рабочим столом, уставившись прямо перед собой, но Ардуин не был уверен, что тот его видит. Казалось, этот обычно элегантный пятидесятилетний мужчина за несколько дней постарел лет на двадцать. Легкие морщины, покрывавшие его лицо, стали глубокими, его почти серая кожа напоминала погребальную маску.

– Сеньор бальи... Я... Слуга...

– Пожалуйста, – еле слышным шепотом прервал его Тизан, будто человек, вынырнувший

из ужасающих кошмаров.

Вынув из своего бюро свиток с посланием, он дрожащей рукой протянул его исполнителю высоких деяний. Тот колебался лишь одно короткое мгновение, прежде чем ознакомиться с его содержимым.

Мессир бальи,

Есть письма, о которых молишь Всевышнего, чтобы Он никогда не послал печальной необходимости их написать. Увы, это одно из них.

За недостатком более подходящих к случаю слов я умоляю не испытывать ко мне ненависти за ужасную и ошеломляющую новость, которую я вынуждена вам принести. Анриетты де Тизан, вашей дочери, больше нет. Она покоится в мире рядом со своим Создателем. Мое сердце обливается кровью оттого, что я должна сказать, что ее кончина произошла не по воле Божией, а была ускорена одним проклятым преступником, который заплатит за ее жизнь, так как я без малейшего сомнения и колебания воспользуюсь в отношении него своей привилегией Высокого Правосудия.

Я нуждаюсь в вашей сильной руке, дабы это чудовище было доставлено мне как можно скорее.

Верьте, мессир, что горе, невольной причиной которого я становлюсь, все мы разделяем с вами. Мы здесь никогда не забудем Анриетту. Она будет предана земле рядом с ранее упокоившимися сестрами, но навсегда останется в нашей душе. Ее чистая и добродетельная душа будет сопровождать меня к престолу Всевышнего.

Ваша преданная и крайне опечаленная,

Констанс де Госбер,

матушка-аббатиса Клерет

Ардуин Венель-младший не осмелился поднять глаза на помощника бальи. Мягко и деликатно он положил свиток на рабочий стол. Загробным голосом мессир де Тизан объявил:

– Анриетта... была... моей старшей... моей самой любимой дочерью, уверяю вас. Она была настоящим подарком небес и одарена многочисленными добродетелями. Я нисколько не преувеличиваю. Набожная, грациозная, Анриетта обладала настолько живым умом, что я частенько сожалел, что она не родилась моим сыном, прекрасная и неутомимая...

Прерывающимся голосом, в котором Ардуин ясно различил слезы, помощник бальи продолжил:

– Я... чувствую такое опустошение, что даже не могу вспомнить, жив ли я еще. И не уверен, что хочу этого.

– Вы предпочитаете, чтобы я ушел? – произнес мэтр Высокое Правосудие.

Он не мог утверждать, что хорошо знает помощника бальи Мортаня, но, во всяком случае, достаточно видел, чтобы догадаться, что с ним произошло. Иногда проявляя излишнюю твердость, без сомнения, немного спесивый, насколько это позволяло его высокое положение, Тизан оставался человеком благородства и чести. Ардуин довольно

хорошо был знаком с человеческой душой и особенно с душой сильного человека. Под влиянием горя и отчаяния тот склонен довериться кому-то постороннему, который тотчас же уйдет из его жизни, унося с собой его печальную тайну. И, напротив, он способен невзлюбить невольного свидетеля своего горя, если встретится с ним на следующий день. Мэтр Высокое Правосудие вовсе не стремился к тому, чтобы стать свидетелем проявления слабости бальи, слабости, за которую раньше сам себя упрекал.

– Нет-нет, Венель. Давайте присядем.

Ардуин повиновался, чувствуя себя здесь крайне неловко. Помощник бальи позволил себе рухнуть в кресло с высокой резной спинкой, бессознательным движением охлаждая себе руки, поглаживая шары из полированного хрусталя, украшающие конец каждого из подлокотников.

Воцарилась тягостная тишина. Венель-младший вспомнил о причине своего посещения. Это касалось семьи мужа Мари де Сальвен, которой помощник бальи отправил послание, где говорилось, что честь Мари восстановлена и она сама перезахоронена в освященной земле рядом со своим мужем, убитым бесчестным негодяем Жаком де Фоссеем. Но в такой печальный день он не мог задать Тизану какие-либо вопросы, хотя бы ради приличия.

– Венель, я чувствую себя таким усталым... прошу вас, не могли бы вы позвать слугу?

Мэтр Высокое Правосудие встал и зашел за бюро, чтобы потянуть за один из широких шнуров из позумента, свисающих с угла камина. Затем он снова уселся, смущенный этой тишиной, которую он не знал, как прервать. Глубокой томительной тишиной, которую нарушало лишь слабое потрескивание угасающего огня в очаге.

Подобно безмолвной тени, вошел слуга, которого Ардуин еще не видел.

– Позовите истопника, а то огонь почти погас и холод пробирает меня до костей. И принесите мне стакан гипокраса^[51]. Мне больше не хочется настоек.

С низким поклоном слуга так же безмолвно удалился, украдкой бросив на Тизана немного испуганный взгляд.

Снова наступила такая же гнетущая тишина. Ардуин пребывал в замешательстве, раздумывая: может быть, ему стоит вмешаться и произнести какую-нибудь ни к чему не обязывающую фразу – или, наоборот, помощнику бальи нужно какое-то время побыть в тишине, чтобы прийти в себя? Он не мог найти те несколько слов, которые не были бы в таких обстоятельствах неуместными или глупыми, и продолжал так же тихо сидеть. Внезапно Тизан спросил резким голосом:

– Скажите, вам когда-нибудь приходилось чувствовать, что вы достигли самого дна отчаяния?

– Нет, думаю, мне бы такое не понравилось.

Тизан закрыл глаза, и Ардуину показалось, что помощник бальи с трудом удерживает слезы, которые вот-вот польются. Но вместо этого взгляд его глаз орехового цвета снова стал сосредоточенным, и мессир де Тизан прошептал с бесконечно грустной улыбкой:

– Хм... прекрасный ответ. Прекрасный и правильный. Так скажите, мэтр Высокое Правосудие, что, по-вашему, является лучшим лекарством в отчаянии?

– Может быть, молитва?

– Нет, это ярость! Молитва будет потом, чтобы послужить извинением за ярость.

– Может быть. Ярость требует, к примеру, страсти и живости, которая прогонит мысли о смерти. Вам известно, каким образом погибла демуазель^[52] Анриетта?

– Задушена... Так говорится в послании от матушки аббатисы из Клерет, которое я

получил на заре.

– Смерть Христова!^[53] – выдохнул Ардуин. – Прямо в стенах аббатства?

– Да, насколько я мог понять. Она возвращалась после посещения жертвователей^[54].

Деньги, которые она везла с собой, исчезли, лошадь^[55] нашли в нескольких тузах от ее... останков.

– Этот проклятый преступник не украл лошадь?

– Без сомнения, это потому, что он боялся, как бы не узнали клеймо аббатства.

– А, конечно!

Разговор прервало появление слуги и его помощника. Ардуин погрузился в созерцание неловких движений истопника – парнишки около двенадцати лет, – который уронил полено, при этом едва не поджег себе рукав, раздувая огонь, и, вставая, стукнулся головой о колпак над камином, после чего оглянулся на хозяина с извиняющейся улыбкой.

Когда они снова остались одни, помощник бальи протянул Ардуину стакан гипокраса.

– Вы его убили?

Мэтр Высокое Правосудие не нуждался в уточнениях, чтобы понять, о ком идет речь.

– Мессир, я убил очень много людей.

– Но среди них не так уж много старших бальи шпаги, – возразил Тизан.

Сделав глоток пахнущего пряностями вина, Ардуин уклончиво заметил:

– Ценность петуха определяется по тому, как он себя ведет, когда в курятник забралась лисица, а не по тому, как он делает грудь колесом перед курами и цыплятами.

– Занимательная метафора, но тем не менее...

– О достоинствах человека можно судить по тому, как тот ведет себя перед лицом смерти. Когда думаешь, что она близка, становится не до лжи и уверток. Ну а что касается д'Эстревера, то под маской мужественного вояки оказалось полнейшее ничтожество.

Услышав это косвенное признание, Арно де Тизан поднял брови и прошептал:

– Вижу. Ничтожество, которое без колебаний впугало меня во все эти... заблуждения, чтобы самому дешево отделаться.

– Заблуждения? Это еще очень мягко сказано, – выпрямившись, произнес мастер Высоких Деяний. – Что же касается всего остального, то не кажется ли вам, что во всех этих субъектах есть нечто общее?

– Я вдвойне... нет, втройне ваш должник. Подтверждение виновности слабоумной Какет и... предел, который вы положили убийствам этих несчастных детей... к тому же вы избавили меня от большой опасности, которая уже было нависла надо мной.

Может быть, мессир де Тизан надеялся услышать, что это вовсе не так. Но Ардуин увидел в этом лишь проявление любезности. По правде говоря, помощник бальи и в самом деле был ему обязан. Поэтому он выкрутился с помощью недурного словесного пируэта:

– Человек чести охотно допускает как обязательства, так и долги.

– Хм... Расходы, которых я опасюсь, увеличиваются прямо на глазах, – произнес Тизан, и его глаза орехового цвета, взгляд которых мог становиться таким тяжелым и безжалостным, пристально уставились на собеседника. – Анриетта... Вы мне можете помочь? Я не могу требовать как бальи, не стану просить вас как... друг, так как не уверен, что вы согласитесь связать себя со мной узами дружбы. Я умоляю вас как отец.

Будь ситуация не настолько трагичной, Ардуин непременно сыронизировал бы. Вся эта наигранная сердечность, которую помощник бальи демонстрировал в его адрес, проистекала лишь из потребности в его таланте судебного следователя, причем такого, которого

невозможно ни подкупить, ни отговорить, ни запугать. Очень богатый палач как нельзя лучше подходит на эту роль. Казалось, Тизан полностью забыл, с каким презрением он всегда к нему относился. Так все относились к людям этой профессии. Ну и какое это имеет значение? Да никакого!

– Помочь вам – большая честь для меня, мессир.

Заметив напряженно сжатые губы собеседника, Ардуин понял, что помощнику бальи нелегко далась эта просьба. К его неудовольствию, это увеличивало список долгов перед мэтром Высокое Правосудие.

– Вы согласитесь сопровождать меня в аббатство Клерет?

– Это недалеко от Ножан-ле-Ротру, – заметил Ардуин.

– Именно так. Девять или десять лье птичьего полета от Мортаня. Мы отправляемся завтра рано утром. Сегодня вечером мы вернемся в Ножан-ле-Ротру, где и переночуем. Почему бы не остановиться в вашем излюбленном «Напыщенном кролике»? Наши лошади тем временем отдохнут. А на следующее утро мы направимся в аббатство.

Перспектива провести вечер и ночь в обществе помощника бальи вовсе не привела в восторг мэтра Высокое Правосудие. Тем не менее отклонить это предложение было бы оскорбительно и, более того, неосторожно.

– Я...

– Колеблетесь? – перебил его Тизан резким, почти угрожающим тоном.

– Ни в коем случае; я охотно помогу вам во всем, что касается демуазель Анриетты и аббатства Клерет.

Ардуин принялся осторожно подыскивать слова, чтобы не вызвать внезапное любопытство собеседника.

– Ножан... насколько я помню, вы распорядились отправить послание семье родственнице Мари де Сальвен, которая там живет.

Помощник бальи, казалось, был немного удивлен тем, какой оборот принял этот разговор. Голос его прозвучал довольно безразлично; все, что не имело отношения к его горю, не имело значения для мессира де Тизана:

– Да, молодой баронессе Маот де Вигонрен и ее свекрови Беатрис, с которыми я едва знаком. Это самое меньшее, что я смог для них сделать. Она была мне признательна, так как ее потрясла ужасная несправедливая и позорная смерть этой несчастной молодой женщины.

Стоило помощнику бальи произнести это имя, которое уже упоминалось в разговоре с хозяйкой «Напыщенного кролика», Ардуин почувствовал, как его сердце подпрыгнуло и застучало с бешеной скоростью. Мэтр Высокое Правосудие постарался, чтобы его голос прозвучал как можно более безразлично:

– Так, значит, насколько я понял, между баронессой Маот и Мари де Сальвен существует родственная связь?

– Ну конечно, они единокровные сестры.

Ардуину едва удалось скрыть изумление, когда он услышал то, что последовало за этим:

– Жеранвильские волки, очень хорошая семья – великодушная, покровительствует искусствам. Уроженцы Труа, они посодействовали строительству аббатства Сен-Лу-де-Труа^[56], епископ которого был их дальним родственником^[57], чем объясняется то, что они носят то же самое имя. Впрочем, мадам Констанс де Госбер является тетушкой им обеим и дальней родственницей нашего дорогого святого отца Климента Пятого. Очень почитаемая семья. Если я правильно помню, мадам Маот, баронесса, на несколько лет младше Мари де

Сальвен.

Судя по всему, помощник бальи ничего не знал об аресте Маот де Вигонрен, урожденной Ле де Жеранвиль.

Внезапно Ардуин ощутил нечто вроде головокружения и поспешно закрыл глаза. Судьба. Снова и всегда судьба, которой он доверил свою жизнь, не задавая вопросов, не проявляя излишнего любопытства и не питая особых надежд, не испытывая дурных предчувствий. Судьба – или чистая и успокаивающая рука Мари, которую та положила на его пылающий лоб в ту ужасную горячечную ночь, указывая дорогу к не известной тогда судьбе?

Сокровенный путь, начертанный обожаемой умершей женщиной и ведущий в Клерет...

Ардуин поднялся на ноги, говоря:

– Я должен вернуться и сделать распоряжения. Завтра я буду ждать вас на рассвете неподалеку от своего дома. До очень скорой встречи, мессир бальи.

Женское аббатство Клерет, ноябрь 1305 года

Решение о строительстве монастыря на опушке леса Клерет в сотне арпанов^[58] от прихода Масл, предложенного бернадинкам ордена цистерцианцев, было принято июльской хартией 1204 года^[59]. Инициатива исходила от Жоффруа III, графа Перш, и его супруги Матильды де Бринсвик, очень набожной сестры императора Отона IV. Благодаря их усилиям и щедрым дарам женское аббатство за семь коротких лет стало одним из самых значительных в королевстве. Будучи освобожденным от налогов и обладая исключительным правом сеньора, аббатисы Клерет имели право вершить низшее, среднее и высокое правосудие, не испрашивая согласия старшего бальи шпаги и даже короля. В нескольких сотнях туазов от стены, ограждающей аббатство, на развилке дороги стояла виселица, так называемая Жиббе^[60], где висели тела не только людей, но и медведей и волков, обвиненных в преступлениях против овец^[61].

Также монастырю было даровано множество других привилегий. Например, монахини могли рубить деревья на дрова и для строительства в лесах, принадлежащих графам де Шартр. Стоит добавить, что сумма очень щедрой ежегодной ренты с земель Масла и Ле-Тя увеличивалась щедротами буржуа, сеньоров и зажиточных крестьян, желающих замолить грехи либо снискать божественной милости или за существенный вклад поместить в аббатство старую деву или вдову.

Более двух сотен монахинь, полсотни послушниц и сто пятьдесят мирских слуг неустанно трудились, делая Клерет огромным ульем, предназначенным для труда и молитвы и по своей мощи намного превосходящим земли окрестных сеньоров.

Группа зданий представляла перед взором, подобно темным скалам посреди леса. Большинство из них, таких как монастырская церковь Нотр-Дам с клиросом, развернутым в сторону Гроба Господня, было построено из темного камня, представлявшего собой природную смесь темно-коричневого с вкраплениями кремня, кварца, глины и железной руды. Монастырь окружала высокая неприступная стена. Главным из трех проделанных в ней входов считался северный. Сразу же за ним находились здания, где принимали мирских гостей; зачастую там останавливались паломники или родственники, приехавшие навестить кого-то из монахинь. Здесь же находились гостиница, приемная и конюшни. Гостям аббатства предоставлялась некоторая свобода перемещения, но они ни в коем случае не имели права заходить ни во внутренние покои, ни в зал с реликвиями, ни в библиотеку. Хотя они могли присутствовать на церковных службах в аббатстве, принимать пищу в столовой или по приглашению аббатисы, за ее столом. Справа располагалось жилище старшей настоятельницы^[62] и ее помощницы. Дальше находился аббатский дворец, где жили и трудились аббатиса и ее секретарша. Согласно уставу, так назывался приземистый одноэтажный домик, который был не намного уютнее монастырских дортуаров^[63]. Но мадам де Госбер с первых дней весны радовал вид, открывающийся перед застекленными окнами ее рабочего кабинета. Это были террасы аббатисы – единственное украшение, разрешенное скрупулезным исполнением правил святого Бенуа, которые позже были несколько смягчены. Аббатиса готова была без усталости любоваться цветочными клумбами^[64] и ничего так не

любила, как иногда присоединиться к садовникам и собирать лилии или мальвы, подправлять изгородь^[65] или сажать гравилат^[66] и посконник – прекрасное средство поднять настроение и прогнать все страхи. Скромные золотистые цветы пробуждали в ней нежность, особенно когда они расцветали все разом. Констанс де Госбер позволяла молодым мирским служанкам плести четки из цветов роз для себя и своих милых сестер. Она с умилением слушала, с каким радостным смехом те предавались этому занятию. Как грустно, что этот очаровательный обычай постепенно выходит из употребления... Роскошь, которой становится все больше и больше, с презрением отвергает прекрасные и недолговечные украшения, которые дарует Госпожа Природа, в угоду бантам в волосах, брыжам, украшенным драгоценными камнями, и, что, с точки зрения аббатисы, было гораздо хуже, накладкам. Фальшивые волосы!^[67] Куда катится этот мир... А в то же время, что может быть драгоценней и трогательней, чем хрупкое совершенство цветка, в котором ощущается рука Господа?

С юго-восточной стороны дворец аббатисы примыкал к внутренним покоям монастыря Сен-Жозеф, где находились кухня, столовая и копировальная. В центральной части внутренних покоев располагался капитульный зал – небольшая, хорошо отапливаемая комната, где могли передохнуть больные, и на том же этаже – большие спальни для монахинь. Монастырская больница находилась позади, скрытая в глубине сада, чтобы ограничить распространение болезнетворных миазмов^[68]. Чуть дальше располагались помещения для послушниц и приют. Официальное и такое милосердное назначение этого здания было давать приют детям, которых подкидывали к помещению монастырского привратника, дабы спасти их от голодной смерти или от ужасной судьбы оказаться добычей диких зверей. Здесь их воспитывали в благочестии и скромности, зачастую без всякого вознаграждения, – незаконных детей, рожденных у недостаточно хитрых и крайне осторожных девиц, принадлежащих к дворянскому или буржуазному сословию.

Констанс де Госбер вертела в пальцах длинный стилет с узорчатой серебряной рукояткой, предназначенный для того, чтобы вскрывать письма. Глаза ее были мокры от слез в связи с ужасным потрясением, вызванным внезапной кончиной Анриетты. Той, в ком она видела будущую аббатису, которая займет ее место, когда она сама сделается слишком старой, чтобы выполнять эту миссию. Но Анриетта была полностью увлечена своими теологическими изысканиями, чтобы с легким сердцем принять все, из чего состояли ежедневные обязанности аббатисы, – нечто вроде распорядителя, которого в первую очередь должна занимать чистота душ тех, кто обитает в этих стенах. Мадам де Госбер вспоминала улыбку худенькой женщины тридцати двух лет от роду, ее изумление хорошим урожаем меда и чудной красоты вышивками, в которых она видела новое свидетельство бесконечной доброты Господа к своим созданиям. Помимо неиссякаемой энергии и крепчайшей веры, Анриетта обладала живым умом. Ее взгляд, полный любопытства к окружающему миру, всегда приятно удивлял мадам де Госбер. Какое ужасающее событие! Как же так получилось, что она оставила без внимания свои дурные предчувствия?

Предполагалось, что двумя днями раньше Анриетта де Тизан должна была вернуться из поездки по окрестностям для сбора пожертвований к вечерне и поужинать^[69] вместе с сестрами. В большом зале столовой на ее месте был положен столовый прибор. Но к трапезе Анриетта не появилась, и сестра, занимавшаяся кухней, оставила ей немного перекусить на одном из длинных кухонных столов. Затем все удалились для ночного сна. Констанс де

Госбер подумала, что ее духовная дочь, должно быть, задержалась во время последнего визита и появится только на следующий день. А в это время ее бездыханное тело уже лежало в нескольких туазах от главного входа. Она была уже задушена этим проклятым чудовищем! И у самой аббатисы не возникло ни малейшего беспокойства или волнения... Какое непростительное легкомыслие, какое постыдное отсутствие проницательности! Констанс де Госбер была ужасно зла на себя. Слабым оправданием этому служило то, что Анриетта де Тизан была из тех женщин, которые умеют постоять за себя и без посторонней помощи выпутаться из любой ситуации. Тем не менее такие мысли казались очень слабым оправданием. Она была просто обязана забеспокоиться, какими бы ни были сила, ловкость и хитроумие Анриетты. А она вместо этого сладко заснула, чтобы затем быть резко разбуженной своей секретаршей Бландин Крезо – дежурной на этой неделе, в обязанности которой вменялось выходить за ворота и раздавать по четверти хлеба^[70] бедным, нищим и детям. Те с раннего утра ожидали, собираясь у стены аббатства. Они-то и нашли холодное тело Анриетты, но их почтение и огорчение были столь велики, что никто не решился постучать в дверь.

Мадам де Госбер не поверила словам старшей настоятельницы Мадлен Марке, что причина этой внезапной смерти далеко не естественная. Она прервала настоятельницу и потребовала, чтобы ей сказали правду, так как ложь имеет свойство порождать новую ложь. Новость распространилась со скоростью лошадиного галопа и сотворила в монастыре настоящее бедствие. Бландин Крезо, еле удерживая слезы, добавила, что сестры сменяют друг друга в часовне Сент-Элуа, дабы молиться об упокоении души Анриетты. Мадам Госберг это вовсе не удивило. Все знали, что покойная Анриетта очень любила эту маленькую часовню в виду ротонды и часто проводила там время в размышлениях. Они хотели отдать ей последние почести именно в этом месте, не таком торжественном, но, как часто говорила сама Анриетта де Тизан, «пропитанном святым духом».

* * *

Тишина, глубокая гнетущая тишина. Обитель, которая до этой ужасной новости казалась такой безопасной, теперь тревожила матушку аббатису. Тишина предписывалась правилом святого Бенуа; исключение могли составлять лишь очень важные причины. И, однако, эта обычная и желанная тишина нарушалась оборванными на полуслове разговорами, подавленными смешками, тысячами реплик, произнесенных почти что с закрытым ртом. Все постоянно делали усилия, чтобы соблюдать тишину; это правило было предназначено, чтобы обуздать природную склонность человеческих существ к болтовне, как этого и желал их святой Создатель. В этом было постоянное противоречие, которое, впрочем, счастливо разрешалось.

Но эта новая тишина казалась какими-то злыми чарами, невыносимым трауром. Речь больше не шла о дисциплине речи, теперь же – о полной немоте, воцарившейся по идущему извне велению некоей злой силы. Впрочем, вряд ли аббатиса ощущала это именно так. Она несколько раз разминулась со своими духовными дочерьми и видела закрытые лица, опущенные глаза, беспричинную спешку, множество коротких нервных движений, руки, запрятанные в широкие рукава одеяний. Можно подумать, это легион летучих мышей, которые ищут малейшую трещину или дыру в стене, чтобы забиться туда и исчезнуть.

Куда девались их сияние, их восхитительная уверенность, убежденность, что обитель является маяком – громадным и таким мощным, что никакие мирские бури не смогут его поколебать?

Внезапно понять, что внешний мир, до этого такой отдаленный и настолько же безопасный, может обрушиться на них, умертвить, посеять ужас в их душах, – это было гораздо хуже, чем случайная трагическая потеря одной из самых замечательных сестер.

Именно поэтому правосудие аббатисы было беспощадным. Она поклялась в этом. Аббатство Клерет оставалось несокрушимой твердыней, и ее духовные дочери не должны в этом сомневаться. Никогда больше.

Коротко выдохнув, мадам де Госбер поднялась и резким движением швырнула серебряный стилет, который с глухим звуком отскочил от бюро – такого величественного, что рядом с ним сама аббатиса казалась еще более маленькой и хрупкой. Она замерла в нерешительности. Одна совершенно ошеломляющая мысль не переставая крутилась у нее в голове: убийство! Кто-то убил одну из ее духовных дочерей. Но кто? Кто осмелился на такой святотатственный поступок, наказанием за который является смерть и последующие вечные муки в аду? Упав на колени на пол, выложенный керамическими плитками, она молитвенно сложила руки, борясь с охватывающим ее гневом.

«Агнец Божий, я не хочу его ненавидеть, не хочу, и все же я испытываю это чувство. Боже милосердный, дай мне силы оттолкнуть гнев и жажду отмщения. Я хочу увидеть бесчестного убийцу Анриетты повешенным быстро и высоко по моему приказу. Я хочу видеть, как он задыхается и отдает Тебе свою гнусную душу. Прости меня и помоги мне. Разум мой клокочет от ненависти. За несколько денье убийца лишил Господа одной из его самых ярких огоньков. Я хочу, чтобы он подох, чтобы он знал, за что и какая ужасная судьба постигнет его потом, что он обречен на вечные муки. Я думала, что уже навсегда избавилась от такого ужасного чувства, как ненависть, Господи. Но сегодня она возвращается, и сила ее подобна урагану. Вместе с ней я чувствую стыд и отчаяние, что я не стала такой, какой Ты хотел бы меня видеть и какой я обещала Тебе стать.

Помимо горя, непонимания, в которое повергла меня кончина Анриетты, мною снова овладевает смятение. Я чувствую себя растерянной, слабой и больше не уверена, что эти святые годы, которые я провела здесь со дня своего прибытия, способствовали моему смирению, что в своем бесконечном милосердии придавали мне сил, чтобы стать лучше.

Я брожу среди своих сумрачных мыслей, колеблясь от одной уверенности к другой. Помоги мне, прошу Тебя, умоляю Тебя. Где Ты? Подай же знак, чтобы я наконец выбралась из этого лабиринта сомнений.

Неужели Ты дал мне сильный ум для того, чтобы я не размышляла? Или это мое наказание, как у жаждущего, которому протягивают флягу с водой только затем, чтобы тут же отнять ее? Это было бы настолько безжалостно, что я не могу в это поверить; я же так долго служила Тебе, ревностно и неустанно... Где же Ты, Господи?

Чему верить, что делать, в каком направлении двигаться? Разве не Ты наслал десять египетских казней, истребляя стада, покрывая людей и животных гнойными язвами, предал смерти всех первенцев?^[71] Разве не Ты изрек: “Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека”?^[72] Но разве не Твой Сын сказал: “Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую”?^[73] И, однако, разве не было угрозы смерти, когда он заявил после казни жителей Галилеи Пилатом: “Думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так

же погибнете”?»^[74]

Чему верить, на что решиться? Жизнь, смерть – все так запутано, в таком беспорядке... Что делать посреди этого поля, полного плевел? Чем Твои создания заслужили твой гнев, это нестерпимое наказание – бродить вслепую, на ощупь, стараясь отделить добро от зла? Умереть, сделав добро, или выжить, выбрав зло? Остаются только сообщники зла. Я не могу этому верить. Я не хочу этому верить».

Констанс де Госбер с трудом снова поднялась на ноги. Молитва или, если говорить точно, бесконечные и обидные вопросы, которые терзали матушку аббатису, окончательно лишили ее сил.

Она лавировала, стараясь в сотый раз избежать страшной убежденности, которая уже свила себе гнездо в ее мыслях. Если подумать, Бог никогда не был ближе к ней, чем тогда, когда она обращалась к Нему с непринужденной вежливостью. Юная очаровательная Констанс де Госбер всей душой погружалась в молитвы, Божественные тексты, благодеяния. Искренне, но несколько чрезмерно, что объяснялось ее глубоким умом и образованностью. Очевидно, Бог создал вселенную для существования своих творений – людей. Поэтому она была уверена: людям не следует беспокоить его постоянными просьбами, чтобы вселенная была именно такой, как им хочется. Таким образом юная Констанс приспособливалась для себя требования Церкви. Если в постный день^[75] ее искушает кусок сала или чашка молока – что же, прекрасно! Разве для Бога так важно, что Масленица^[76] продолжается чуть дольше, чем карнавал, особенно если остаются масло, яйца и молоко, которым просто непозволительно пропасть?^[77]

Такой она оставалась до своего замужества с бароном де Госбером – очень богатым и настолько же отвратительным маленьким старичком. Может быть, это было началом ее наказания? Несколькими годами позже он тактично отправился на тот свет.

На губах аббатисы появилась тонкая улыбка. В сущности, простительные грехи отягощали ее совесть лишь тогда, когда она сама это допускала. А может быть, именно здравомыслие было дано ей в наказание? Чума на него! Здравомыслие побуждало ее сожалеть о том, что она послала письмо помощнику бальи, отцу Анриетты, в Мортань-о-Перш. Но что она могла сделать? Тем не менее честь спорила в ней с политикой. Она могла бы потребовать помощи Ги де Тре, бальи Ножан-ле-Ротру – ближайшего города к аббатству Клерет. Никаких сомнений, что новый герцог Бретонский, Артур II, сын покойного Жана II, поспешит удовлетворить ее требование по причине ее долгой дружбы с мадам Катрин де Куртене^[78] – второй супругой Карла де Валуа, брата короля. Но Констанс де Госбер с презрением относилась к этому молодому хлыщу де Тре, которого считала настолько несведущим, что однажды упомянула об этом в разговоре со своей подругой. Впрочем, она могла бы не сообщать Арно де Тизану о том, что смерть его старшей дочери была насильственной. Анриетта оставила свою кровную семью ради семьи духовной, о чем свидетельствовали данные ей обеты. Мадам де Госбер знала, что отец и дочь питают друг к другу самую нежную привязанность, а кроме того, она не могла, не хотела, чтобы это чудовищное преступление оставалось безнаказанным. И потом, Арно де Тизан явил доказательство пронизательности и твердости, положив конец серии убийств маленьких жителей Ножана, о чем стало известно даже в аббатстве Клерет. Помимо прочего, привлечь мирянина и светское правосудие в святую обитель могло оказаться опасным. Вдруг в этом усмотрели бы неспособность самой аббатисы покарать виновного? От многих подобных

происков ее защищало положение дальней родственницы Климента V. Но как долго продлится эта вынужденная снисходительность? Ее привилегии были довольно хрупкими. Она достаточно знала Климента, чтобы понимать, что тот поступает с Филиппом Красивым так же, как и со всеми. Король или, точнее говоря, его любимый советник мессир Гийом де Ногарэ немало потрудился и столько заплатил, чтобы Климент, бывший кардинал в Го, был избран на место Итальянца. От этого они ожидали существенной помощи в двух делах, которые сильно досаждали суверену: посмертный процесс над памятью Папы Бонифация VIII и объединение воинствующих орденов, одним из которых был орден тамплиеров, под знаменем своего сына Филиппа де Пуатье. Если Климент не оплатит этот безмолвно взятый на себя долг, чего Констанс в глубине души опасалась, то гнев Филиппа обрушится и на него, и на всех его близких. В том числе и на нее.

Если она обратится за помощью в скандальном деле об убийстве монахини, это может быть истолковано как свидетельство ее слабости и преступного нерадения. И это вдобавок к уже раздающимся упрекам в совершенно невыносимом фаворитизме и предпочтении, которое оказывается членам ее семьи, а также в чересчур свободном обращении с церковными деньгами. И, разумеется, злые языки тут же напомнят, что она является Папе дальней родственницей. Эта расточительность во всем, что касалось оказанных услуг, конфиденциальной поддержки в мелочах, обмен подарками и молчаливый, но явный родственный интерес – все это убедило аббатису, что лучше всего будет обратиться к помощнику бальи Мортаня.

Просить о помощи Арно де Тизана, чье имя ей назвал Карл де Валуа, показалось Констанс де Госбер очень разумной альтернативой. Таким образом она проявит доверие и почтение к королевскому правосудию, несмотря на то что благодаря своему высокому духовному званию была ему неподвластна. Тем более что она старалась не вмешиваться в эту бретонскую трясиину, в которой барахтался мессир де Валуа, и не просить о помощи де Тре, которого она немногим раньше сильно выругала за беспечность и нерадение.

На память Констанс де Госбер пришла фраза, которую очень любил повторять отец, всегда вызывавший ее восхищение: «Политическое искусство сводится к очень немногим вещам: дать двоим одинаковое количество благ, при этом заставив одного поверить, что к другому вы далеко не так щедры». Несмотря на безграничный цинизм этой максимы, аббатиса много раз имела возможность убедиться в ее правоте.

Она подобрала стилет и со вздохом облегчения прижала к своему пылающему лбу прохладное серебряное лезвие. Мысль о том, что Создатель ей поможет и защитит, казалась теперь очень скудным утешением. Убийца Анриетты сторицей заплатит за свое преступление, она поклялась в этом.

В то мгновение, когда слова этого безмолвного обещания снова вспыхнули в ее мозгу, кто-то постучал в дверь кабинета, причем настолько сильно, что дверь чуть не подпрыгнула. Бландин Крезю, секретарша, приоткрыла дверь и высунула голову наружу.

– Мадам матушка, пришел доктор^[79] Антуан Мешо. С ним какой-то высокий мужчина, он мне не знаком. Его представили как прекрасного высококонравного медика.

– Где они дожидаются?

– В медицинском кабинете.

– Я сейчас к ним присоединюсь, а пока идите туда вы, дочь моя, – приказала Констанс де Госбер.

Секретарша – низенькая полноватая женщина средних лет, чья энергия была сравнима

Только с ее компетентностью, – произнесла нерешительным тоном:

– Матушка, вы совершенно уверены, что...

Аббатиса прервала ее тоном, не терпящим возражений:

– Да, абсолютно уверена!

Женское аббатство Клерет, ноябрь 1305 года

Несколькими минутами позже, войдя в скромный медицинский кабинет, мадам де Госбер увидела там двух мужчин, которые наклонились над телом Анриетты де Тизан, почтительно склонив головы и молитвенно сложив руки. Покойная лежала на длинном столе темного дерева, освещенном высоким застекленным окном – почетная привилегия для находящихся здесь больных. Двое мужчин молчаливо поприветствовали аббатису. Та пояснила, обращаясь к доктору Мешо, с которым была давно знакома и чей здравый смысл и знания она ценила:

– Мессир доктор, я так поспешно вызвала вас к себе, чтобы... Я даже не знаю, на что надеюсь... Это прискорбное и такое несправедливое событие затуманило мне разум.

– Насколько я понял из вашего короткого послания, от меня требуется почтительно освидетельствовать вашу почившую духовную дочь, чтобы как можно точнее узнать причину ее смерти и попытаться извлечь сведения о бесчестном безумном злодее, который отнял у нее жизнь.

Мадам де Госбер кивнула в знак согласия. Ей было в высшей степени наплевать на молчаливое неодобрение сестер по ордену. Чтобы эти ученые, но все же мужчины, раздевали покойную и оскверняли ее своими взглядами и прикосновениями, пусть даже самыми почтительными!.. Но аббатиса стремилась сделать все, что в ее власти, чтобы убийца был пойман и наказан. Антуан Мешо снова заговорил, сделав жест в сторону своего спутника:

– Время торопит нас, и я взял на себя смелость попросить своего высокоученого собрата присутствовать здесь и поделиться своими восхитительными знаниями. Он оказал мне честь, воспользовавшись моим гостеприимством во время своего пребывания в Ножан-ле-Ротру.

Высокий худой мужчина с серыми глазами еще раз склонился перед аббатисой и произнес мягким почтительным голосом:

– Йохан Фовель, доктор Брево, к вашим услугам, мадам матушка.

Мешо, в голосе которого слышалось самое неподдельное восхищение, продолжил фразу своего собрата по профессии:

– И, смею заверить, самый лучший среди нас.

– Мадам матушка, – снова вступил в разговор Йохан Фовель, который, казалось, не слышал лестных слов в свой адрес. – Могу ли я быть уверенным, что мы найдем вашу духовную дочь такой, какой видим ее сейчас? Что ее не станут ни мыть, ни переодевать?

– Да, разумеется... Я только приказала снять с ее шеи эту омерзительную веревку.

– Надеюсь, вы ее сохранили?

– По правде говоря, не знаю, но я могу об этом осведомиться у больничной сестры.

– Мне будут полезны любые сведения, – подтвердил высокий худой мужчина. – Какой именно была веревка?

– Да господи, я тогда была в таком волнении и ужасе, что не обратила на это ни малейшего внимания. Самая обычная пеньковая веревка, какие используют, чтобы перевязать охапку хвороста или кипу белья.

– Хм... И вот еще что: веревка была повязана на ее шею поверх ее пелерины, ее

головного убора и воротника платья?

– Ну, разумеется, – ответила аббатиса, и ее голос чуть сдавленно прозвучал в этой ледяной комнате.

Внимательно глядя в голубые глаза этой женщины – хрупкой, как воробей, но вместе с тем излучающей необычайную силу и властность, – Фовель снова заговорил:

– Позвольте ли вы удостовериться, что интимным частям тела мадам де Тизан не был нанесен ущерб?

Побледнев и судорожно сглотнув, мадам де Госбер пробормотала:

– Вы хотите сказать, что...

– К сожалению, речь идет о том, что может являться неизбежным следствием таких чудовищных явлений, – настаивал Йохан Фовель. – Конечно, у вас здесь нет ни судебной матроны^[80], ни компаньонки^[81]. Но я принял роды у стольких женщин, что их гениталии уже не являются для меня тайной.

– Однако я полагала, что мужчины вашей профессии избегают подобных испытаний, – возразила аббатиса немного уязвленным тоном.

– С моей точки зрения, они совершают большую ошибку – все мои собратья, которые хотят сыновей и не знают, откуда те появляются на свет. Все превозносят зарождение жизни, но отводят глаза от живота, откуда вот-вот появится на свет младенец. Что же касается тех докторов медицины, которые рассуждают по-латыни об оттенках мочи, то они сожалеют лишь об одной, с их точки зрения, ошибке Всемогущего: что дети не рождаются ни в капусте, ни в лилиях. Таким образом, они могли бы обойтись вовсе без женщин, к большому удовлетворению некоторых из них.

Несмотря на трагизм этой минуты, аббатиса улыбнулась и заметила:

– Доктор Мешо, мне кажется, что ваш драгоценный друг – очень хороший человек, и я от всей души желаю ему стать отцом милой девушки. Думаю, он будет прекрасным отцом.

– Это уже произошло; очаровательной Элизе этой весной исполнится восемнадцать, что наполняет меня гордостью, – ответил Йохан Фовель, лицо которого на короткое мгновение осветилось нежной улыбкой.

И, вернувшись к печальной причине их появления здесь, он настойчиво повторил:

– Итак, мадам матушка, вы позволяете?

Но мадам де Госбер все еще не могла решиться:

– Но она девственница, это же очевидно; ведь она не была замужем.

– По крайней мере, не была ли она... до этого... – осторожно произнес доктор из Брево.

Наконец аббатиса со вздохом ответила:

– Хорошо, я даю вам позволение, мессир. Делайте, что считаете необходимым, дабы выяснить все, что может быть полезным для моего расследования. Анриетта была не робкого десятка, и она согласилась бы с моим решением. Конечно... и я сама на себя сержусь за то, что вынуждена быть настолько неделикатной, – пожалуйста, расскажите мне все, что вам удалось выяснить. Но только мне одной.

– Вы можете быть в этом совершенно уверенной, мадам матушка, – заверил ее Мешо.

– Могу ли я почтительно настаивать, чтобы нашли ту самую веревку? – подхватил Йохан Фовель.

– Я сейчас предупрежу больничную сестру и распоряджусь, чтобы никто вас не беспокоил до окончания... освидетельствования.

Как только аббатиса ушла, пришедшие принялись за дело. В помещении царил смертельный холод: здесь не зажигали огня, чтобы не ускорить разложения останков. Мешо ритмично сгибал и разгибал окованные пальцы и, казалось, ожидал инструкций Йохана Фовеля. Наконец он сказал:

– Я полагаю, что вы накопили много знаний об орудиях смерти и о разложении.

– Что верно, то верно. В конце концов, мой дорогой Мешо, смерть – это последняя дань уважения, которую дает жизнь людям нашего искусства.

Йохан Фовель пристально вглядывался в каждую черточку лица умершей. Он внимательно обследовал кожу вокруг глаз, показывая пальцем на малейшие признаки кровотечения, приподнял одну из рук Анриетты и удостоверился в гибкости пальцев.

– *Rigor mortis*^[82] почти нарушено, – заметил он. – Добавим к этому, что в ночь убийства было довольно холодно, что задержало его возникновение.

– Что вы об этом скажете? – осведомился доктор Мешо.

– Предположим, она скончалась чуть менее двух дней назад. Впрочем, нельзя этого точно утверждать, так как тело нашли позавчера ранним утром. Единственное заключение, которое можно сделать с большой осторожностью, – она была задушена незадолго до этого. Давайте теперь разденем ее, – предложил он. – Так как мы не сможем сделать даже частичное вскрытие^[83].

– Какая невероятная жестокость, – бросил Антуан Мешо, засунув себе руки под мышки в надежде хоть немного их согреть.

Йохан предпочел оставить это замечание без ответа. Он испытывал к своему собрату дружеские чувства и большое уважение. В то же время Мешо был человеком их профессии. Для него были важны не столько причины, сколько последствия. Фовель был абсолютно убежден, что, когда наконец Наука получит свободу, человек начнет двигаться вперед гигантскими шагами. Не останется ничего необъяснимого, развеются самые ужасные страхи – например, те, которые ему внушают, чтобы держать в состоянии выгодной другим тупости и слепой покорности. Но Наука лишь делает первые шаги, довольствуясь бессмысленными суевериями, чему способствовало отсутствие научных догм и авторитетов. В сущности, доктора и врачи были не столько учеными, сколько деревенскими фельдшерами, знакомыми с анатомией скорее опытным, эмпирическим путем. Фовель нередко приходил в отчаяние: даже цирюльники и палачи, которых все презирают, и те лучше них могут облегчить страдания больного.

Они сняли головной убор. Голова Анриетты была обрита примерно две или три недели назад, насколько можно было судить по короткой темной щетине, которая покрывала череп цвета слоновой кости. На левом виске виднелся кровоподтек, большей частью скрытый под головным убором. Пощупав его, Йохан Фовель произнес, будто говоря сам с собой:

– Недавний. Опухший. Без сомнения, образовался вследствие удара или падения. Видите, красный цвет еще не перешел в фиолетовый или сине-черный... Кто-то хотел ее оглушить или же речь идет о несчастном случае, который произошел незадолго до смерти?.. Продолжим.

Они стянули с нее темный наплечник и белое платье из грубой шерстяной ткани. Анриетта де Тизан носила под ним власяницу. Фовель незаметно закусил губы. Эта страсть к

умерщвлению плоти всегда вызывала у него удивление. Что заставило ее вырядиться в эту шероховатую, натирающую кожу рубашку из козьей шерсти? Может быть, присоединиться к последней жертве Божественного Агнца, разделить его муки? Глухой звук, с которым голова Анриетты ударилась о длинный деревянный стол, вернул его к действительности.

Она была худенькой и на удивление мускулистой для женщины, даже для монахини, занимающейся физическим трудом. Йохан Фовель склонился над трупом.

«Наблюдай, анализируй, сравнивай и делай выводы», – повторял он. Этот метод врач внушал своей дочери Элизе, скрывая ото всех ее необычайный ум и способности. Он много раз повторял ей, что она должна всегда производить впечатление хорошо воспитанной девицы: молитва, ведение хозяйства, скромные таланты в музыке, пении и вышивании. Учить девушек высокоумным наукам было бы подозрительно. И разве может быть лучшее средство, чем незнание, чтобы удерживать их в таких условиях? Такой судьбы избежало лишь несколько высокородных и очень богатых женщин. Но в конце концов, правила пишутся для того, чтобы те власть имущие, кто желает их обойти, относились к ним с почтением...

Шея Анриетты де Тизан была усеяна многочисленными точечными кровоизлияниями, диаметром крупнее тех, которые обнаружили у глаз. Вокруг горла, довольно низко, виднелась глубокая неширокая борозда, бледная посередине и окаймленная красным в тех местах, где кожа была стерта.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Балы – королевский чиновник, выполнявший административные и судебные функции; иначе говоря, судебный пристав. – Прим. пер.

В описанную эпоху город назывался Мортань. Происхождение этого названия может быть связано с *Comitis Mauritaniae* (мавританские спутники – лат.), местом остановки мавританской военной части, входящей в состав римской армии, хотя эта гипотеза считается достаточно спорной. Зато начиная с V в. отмечается присутствие Меровингов. Мортань также был крепостью, сдерживающей норманнское завоевание. В 1226 г., когда род де Ротру угас, Мортань и графство Перш снова оказались под властью французской короны.

Графы Перша и Алансона были под контролем бальи шпаги (представитель военной судебной власти. – Прим. пер.), помощником которого являлся бальи (или лейтенант) мантии (судебный чиновник. – Прим. пер.). Такие районы, как Мортань, чаще всего являлись судебными округами.

См. роман А. Жапп «Костер правосудия».

Имелись в виду дети, которых можно было послать с каким-нибудь поручением. В переносном смысле с оттенком презрения: неухоженный невоспитанный ребенок.

16 ноября 1305 г.

Меха обозначали социальную принадлежность. Носить мех соболя, рыси и белки имели право только представители дворянства. Прочие довольствовались мехом кролика или овчиной. Буржуа предпочитали носить мех выдры.

Из-за большой дороговизны бумаги в ту эпоху в среде коммерсантов было принято пользоваться грифельной доской и мелом. Это было особенно удобно, так как можно было стирать старые счета.

Шоссы – нечто вроде коротких штанов, которые в ту эпоху начали носить зажиточные люди. Чаще всего крепились к сапогам при помощи бантов.

В ту эпоху слово «плут» обозначало «трусливый ленивый обманщик». Самое сильное оскорбление в Средние века.

Сейчас он носит название «Маль».

Мерин – термин встречается еще в I тыс. н. э. Само слово отсылает нас к Венгрии, откуда пришел обычай кастрировать верховых лошадей, чтобы сделать их более послушными (см. Hongrie (фр.) – Венгрия, hongre (фр.) – мерин).

Речь идет о седле с поднятой головкой передней луки, которое давало возможность управлять лошадью только левой ногой. Известные сейчас приспособления, помогающие всаднице сохранять равновесие, были изобретены только в XVI в. Екатериной Медичи, искусной наездницей.

Форма этого кусочка цветной ткани могла быть разной в зависимости от региона, но чаще всего была в форме палки, символизирующей виселицу. Этот знак позволял остальным сразу узнать палача, что служило для тех источником постоянных унижений.

Согласно этому праву, палач мог взять у любого торговца столько товара, сколько может унести в руках.

Существовал скрупулезный учет каждой из пыток или видов казни.

Палачи ненавидели само это слово и в конце концов добились того, что всякий, кто его произнесет, наказывался большим штрафом.

«Бингры» – на жаргоне палачей, в зависимости от региона, это означало палача по воле случая или династию палачей, которой меньше ста лет.

Шарль Сосон унаследовал в 1726 г. от своего отца должность палача, когда ему было всего семь лет.

В ту эпоху хирургия была презираемым занятием; эту работу чаще всего исполняли цирюльники, реже палачи по причине их прекрасного знания человеческой анатомии. Странное дело, хотя медицина тогда лишь делала первые шаги, в хирургии наблюдался несомненный прогресс: сращивали переломы, делали трепанацию, вырезали опухоли и т. д.

Галантерейщик – очень богатая и очень уважаемая корпорация, которая быстро перешла в разряд буржуазии.

В Средние века изнасилование жестоко каралось, даже если было совершено в отношении проститутки. Единственно, это нужно было доказать!

Судебный поединок считался проявлением Божьего суда. Победитель считался невиновным. Божий суд вышел из употребления в XI в., подвергшись порицанию Четвертого Латеранского собора в 1215 г. Во всяком случае, последний судебный поединок имел место в 1386 г. в царствование Карла VI. Тем не менее поединки чести, которые устраивались более или менее втайне, продолжались до XX в.

Двуручный меч с очень тонким и широким лезвием, предназначенный исключительно для обезглавливания.

В Средние века высокий лоб был важным критерием женской красоты, и дамы, чтобы достичь такого эффекта, выщипывали себе волосы над лбом.

Свиней обычно забивали в холодные месяцы, с ноября по февраль, и все это в течение 48 часов надо было засолить, закоптить, сварить или съесть, пока мясо не испортилось.

Напомним, что нынешние свиньи имеют очень мало общего со своими средневековыми предками, которые больше походили на диких кабанов, вооруженных настолько впечатляющих размеров клыками, что даже волки не решались на них нападать. Этим объясняется тот факт, что эти животные, подобно сторожевым собакам в деревнях, свободно ходили, где им вздумается.

Речь шла об изысканном блюде, которое приготавливали из мелких птичек вроде дроздов и перепелок, сваренных в бульоне с пряностями и небольшим количеством хлеба, чтобы соус стал чуть более густым.

Здесь имеется в виду стеклянный стакан. Предметы из стекла были очень редкими и дорогими. Ими пользовались только очень богатые люди.

В Средние века упоминание нечистой силы считалось недопустимым, поэтому в качестве ругательств пользовались похожим по звучанию сочетанием букв.

Кабинет – бюро на четырех ножках, которое закрывалось двухстворчатой дверцей. Внутри было оборудовано множеством ящичков, среди которых, как правило, было несколько потайных.

Котта – нижнее платье.

Имеется в виду нечто вроде длинного пальто без рукавов, которое носили как в помещении, так и на улице.

Людовик IX (1214–1270).

Ливры – главная разменная монета Франции.

Точная дата его рождения неизвестна, приблизительно считается 1270 г.

Речь идет о тамплиерах. Этим, возможно, объясняется то, что, не обвиняя их на процессе, Карл де Валуа не поспешил к ним на выручку. В противном случае он рисковал бы вызвать гнев Филиппа Красивого.

4 апреля 1305 г. Ее супружеский союз с Филиппом Красивым был очень прочен; после ее смерти король не вступил в новый брак. Окружение Жанны Наваррской играло очень важную политическую роль, достаточно вспомнить Ангеррана де Мариньи, бывшего хлебодара королевы.

1275–1317 гг. В 1311 г. он вытеснит Ногарэ; с 1305 г. начинает играть все более важную роль в делах королевства.

Гобелены – большие ковры, которые развешивали по стенам, чтобы защититься от холода и сырости или замаскировать нишу либо тайный коридор.

В полумраке (лат.).

Бланшет стали носить вместо более длинного дублета.

В Средние века очень трудно было добиться чистого зеленого цвета, который чаще всего получался блеклым. Именно поэтому зеленый цвет считался очень изысканным.

Очень старое выражение, произошло от популярной тогда игры маленьких девочек. Надо было расположить булавки по кругу и с помощью маленького мячика достать их оттуда.

В ту эпоху пшеничный хлеб ели только очень богатые люди.

Будущий Людовик X (1298–1316), который стал королем в 1314 г.

Камзол – нечто вроде куртки, доходящей до бедер.

В ту эпоху это слово означало поступок, событие или человека, странного в неприятном смысле и достойного порицания.

Сейчас этот департамент называется Мен-и-Луара.

Приемная – первая комната, куда можно было войти с улицы, чаще всего очень скромных размеров.

Гипокрас – красное вино, иногда смешанное с белым, подслащенное медом и сдобренное имбирем и корицей. Существовала также разновидность только из белого вина.

Демуазель (фр. demoiselle) – девушка, девица, барышня; устар. женщина благородного происхождения. – Прим. ред.

На самом деле прозвучали не эти слова, что тогда считалось богохульством, а похожее по звучанию сочетание слогов.

Жертвователи – люди, которым закон присудил пожертвовать некую сумму денег для искупления своего поступка.

Лошадь, чаще всего кобыла, очень послушная, на таких ездили женщины. Обычно таких лошадей приучали передвигаться иноходью.

В 841 г.

Святой Лу родился в городе Туле примерно в 383 г., с 426 г. являлся епископом Труа. Он сопровождал Германа Осерского в Англию и участвовал в защите города от завоевателей – армии Атиллы; впрочем, по этому поводу разные историки придерживаются различного мнения. Умер примерно в 479 г. Ему молятся об излечении от эпилепсии, паралича и одержимости демонами.

Арпан (фр. arpent) – старинная французская единица измерения длины, равнявшаяся 180 парижским футам, то есть примерно 58,52 м. – Прим. пер.

Строительство было закончено в 1212 г.

Жибе состояла из двух рогатин, вкопанных в землю и поддерживающих перекладину, на которой висели тела казненных. Название сохранилось до наших дней.

В Средние века такие процессы над животными были нередким явлением.

Старшая настоятельница – второе лицо после аббатисы, управляла аббатством в случае ее отсутствия.

Дортуар – общая спальня. – Прим. пер.

Сад, исключительно декоративный, скромных размеров, где выращивали цветы, предназначенные для украшения или для букетов, которые ставили в комнатах. В ту эпоху это были в основном лилии, дамасские розы, маттиолы.

Низкие изгороди, сплетенные из каштановых, ивовых деревьев или веток вербы, которыми окружали цветники.

Гравилат – как его называли, «трава хорошего солдата» – *Geum urbanum*, молодые побеги которого клали в суп.

Фальшивые вросы – пряди, которые прикрепляли на виски или на уши. Слово, обозначающее этот предмет туалета, нередко употреблялось в смысле «обман».

Вспомним, что, хотя в Средние века не знали о микроорганизмах, идея о заражении была довольно распространена, чем объясняется наличие карантинных и лепрозориев.

Ужин или обед на самом деле являлся первой трапезой дня. И во время каждой трапезы подавали суп.

Хлеб, основной продукт питания в Средние века, также был символом богатства, особенно пшеница. Бедные довольствовались хлебом из плохо просеянной ржи и ячменя.

Исх. 12:29–36.

Быт. 9:6. Одна из основ знаменитого закона возмездия, к ней в Библии возвращаются несколько раз.

Мф. 5:39.

Лк. 13:2–3.

Среда, пятница, суббота, дни накануне праздников, Великий пост и пост перед Рождеством (четыре недели) за исключением воскресений.

Последний день Масленицы перед Пепельной средой – началом поста. Это празднование имеет языческое происхождение и существовало уже в Древнем Риме.

На Масленой неделе, которая заканчивалась во вторник, позволялось есть в изобилии перед долгим строгим постом. Но в ту эпоху при недостатке питания было недопустимо оставлять продукты портиться. Поэтому готовились блины, оладьи, вафли и прочая выпечка, которую предлагали соседям, всё как на Сретение.

1274–1307 гг.

Доктор занимался медициной после нескольких лет обучения и был мирским человеком. Доктор, имевший более высокую степень, считался духовным лицом и не имел права жениться. Эти две профессии были объединены в XV в.

Судебная матрона – нечто вроде акушерки, которая могла засвидетельствовать девственность или, наоборот, беременность, когда это требовалось для судебного процесса.

Компаньонка – имеется в виду женщина, которая заботилась о знатной даме в период ее беременности и после родов.

Трупное окоченение (лат.).

Вскрытия разрешались Церковью лишь в отношении самоубийц и приговоренных к смерти. Даже когда они перестали быть под запретом, проводились крайне редко.